

Саша Ардаша

Монах

18+

Саша Ардаша

Монах

<https://litres.ru/74060651>

SelfPub; 2026

Аннотация

Монах утративший веру в жизнь находит лекарство от рака. Потеряв всё и оказавшись под угрозой ареста, главный герой вместе с подругой Эрикой решается на отчаянный шаг исчезнуть из прежней жизни. Их путь проходит через несколько стран и континентов: от Америки до Ближнего Востока, от Центральной Азии до Юго-Восточной Азии. За спиной остаются долги, расследования, предательства и опасные встречи, а впереди лишь надежда на свободу.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Саша Ардаша

Монах

Глава

Глава 1

Дождь лил уже третий день подряд, и я проклинал тот день, когда купил этот участок вместе с домом. Но держался. Вызывал духа леса, духа Вселенной и вообще всех духов, которые могли бы согреть меня и спасти от бесконечной сырости. В голове блуждали обрывки фильма «Рэмбо». Связь с реальностью я потерял уже давно. Если он смог выжить, то и я смогу, твердил я себе. Моя лачуга стояла на краю посёлка, почти заходя на земли заповедника. Какой чёрт умудрился построить её здесь, я не знал. Почему я её купил тоже оставалось загадкой. Это Вьетнам, детка, успокаивал я себя. Я пытался войти в нирвану, хотя бы мысленно перебраться в сухое пространство на время дождя. Как минимум. А как максимум вообще уйти в другое измерение. Мне хотелось верить в реинкарнацию. Я стремился понять буддизм, но чем больше читал, тем сильнее путался. Буддизм предлагает собственное понимание кармы, весьма отличное от привычных представлений. Здесь нет переселения души из одного тела в другое. Когда человек умирает, его физический организм и

психическая основа существования распадаются, приходя к своему завершению. Рождается не тот же самый человек, который умер, а другой. И в этом заключается одно из главных отличий буддизма от индуизма. В буддизме нет вечной души, способной кочевать из жизни в жизнь. Нет того неизменного «я», которое переселяется из тела в тело. Иными словами, пока дождь барабанил по крыше моей лачуги, я всё больше понимал: надежды просто перескочить в другую жизнь у меня нет. Придётся как-то выживать именно в этой. Но моё происхождение, а именно то, что я был европейцем и относился к буддизму с искренним уважением, спасало меня. Местные бабушки подкармливали меня и по-своему заботились. Так случилось и в этот раз. Несмотря на проливной дождь, одна из них добралась до моей лачуги. Подойдя ближе, она молча накинула мне на плечи плащ из полиэтилена, словно укрывала родного внука, а затем сунула в руки бутылку рома. Сделав своё доброе дело, она улыбнулась беззубой улыбкой и исчезла за серой стеной дождя так же внезапно, как появилась. Я смотрел ей вслед, сжимая бутылку в руках. Что это было? Карма? Милосердие? Бога почитание? Или просто человеческая доброта, которой не нужны ни религии, ни объяснения? Я не знал. Но в тот момент мне стало немного теплее. И дело было вовсе не в роме. Я отвинтил крышечку и осторожно понюхал содержимое. Ром оказался настоящим. Не каким-нибудь туристическим пойлом из сувенирной лавки, а крепким местным напитком с запахом патоки,

дерева и чего-то ещё, напоминающего о старых кораблях и дальних плаваниях. Сделав небольшой глоток, я почувствовал, как по телу разливается тепло. Дождь по-прежнему колотил по крыше, но теперь его стук уже не казался артиллерийским обстрелом. Я сел на крыльце и стал наблюдать, как вода потоками сбегает по склону вниз, к зарослям бамбука. Где-то вдалеке кричала птица. Или обезьяна. Или, возможно, очередной дух леса, которого я вызывал последние трое суток. После третьего глотка мне показалось, что джунгли начали дышать. Не шуметь, не шелестеть, а именно дышать. Медленно и размеренно, словно огромное живое существо. Вдох. Выдох. В такие минуты начинаешь понимать, почему люди верят в духов. Когда вокруг асфальт, бетон и банковские счета, очень легко смеяться над древними суевериями. Но попробуйте провести неделю в одиночестве на краю заповедника под непрекращающимся тропическим ливнем, и вы быстро начнёте здороваться с деревьями. Я уже почти дошёл до этой стадии. Некоторые деревья возле дома даже начали мне нравиться. Одно особенно. Огромное, с корнями толщиной с человеческое тело. Оно стояло метрах в двадцати от дома и выглядело так, словно росло здесь ещё до того, как первые французы добрались до этих мест. Каждое утро я смотрел на него. Каждый вечер тоже. Иногда мне казалось, что оно наблюдает за мной в ответ. Раньше я бы посмеялся над подобными мыслями. Теперь же просто принимал их как часть местной реальности. В конце концов, за последние

годы жизнь научила меня простой вещи: самые странные события обычно оказываются правдой, а самые логичные объяснения ошибкой. Дождь начал понемногу стихать. Впервые за трое суток я увидел в сером небе светлое пятно. Сначала мне показалось, что это очередная галлюцинация от сырости, одиночества и рома. Но пятно становилось всё больше. Через несколько минут сквозь облака прорвался солнечный луч. Он ударил прямо в то самое дерево. И в этот момент я увидел то, чего раньше никогда не замечал. У его корней что-то лежало. Сначала я решил, что это просто камень. Потом подумал, что это мешок, принесённый потоком воды с гор. Но любопытство оказалось сильнее лени. Я поднялся с крыльца, накинул на плечи мокрый полиэтиленовый плащ и пошёл через размокшую землю к дереву. Каждый шаг сопровождался противным чавканьем грязи под ногами. Подойдя ближе, я остановился. Это действительно был не камень. Из земли торчал угол старого деревянного ящика. Который размыло потоком воды. Половину его ещё скрывала грязь и переплетение корней. Ну конечно, пробормотал я. Только этого мне не хватало. Во Вьетнаме никогда нельзя быть уверенным, что найдёшь под землёй. Старинный клад, забытый тайник, неразорвавшийся снаряд или просто мусор, которому сто лет. Я осторожно разгрёб руками мокрую землю. Ящик оказался небольшим. Дерево почти сгнило, а металлические уголки покрылись толстым слоем ржавчины. Крышка поддавалась неожиданно легко. Внутри лежали несколько по-

желтевших тетрадей, завёрнутых в промасленную ткань. И всё. Никаких золотых монет. Никаких драгоценностей. Никаких сокровищ. Только старые записи. Я даже рассмеялся. Судьба оставалась верна себе. Когда человеку нужны деньги, она подбрасывает ему книги. Когда нужны ответы предлагает новые загадки. Вернувшись на крыльцо, я разложил находку перед собой. Бумага удивительным образом сохранилась. На первой странице я увидел дату. 1958 год. На второй имя владельца. Жан Поль Француз. Судя по всему, он жил здесь ещё до того, как война накрыла эти места. Я перелистнул несколько страниц. Почерк был мелким и аккуратным. Большую часть записей я разобрать не смог, но одна фраза повторялась снова и снова. На разных страницах. Разными чернилами. С промежутком в месяцы. Словно автор постоянно возвращался к одной и той же мысли. «Лес всегда знает, когда ты врёшь самому себе» и цифры . Я перечитал эту строчку несколько раз. Затем посмотрел на стену джунглей за домом. Дождь почти закончился. Над деревьями поднялся лёгкий туман. И впервые за долгое время мне стало неудобно. Потому что последние несколько месяцев я только и делал, что врал самому себе. О том, зачем приехал сюда. О том, чего ищу. О том, почему продолжаю жить в этой разваливающейся лачуге на краю заповедника. А главное о том, что всё ещё собираюсь когда-нибудь вернуться домой.

Глава 2

Дом... Что для меня сейчас значило это слово? Я не знал.

Сначала оно давило меня. Потом пугало. А затем я просто вычеркнул его из своего лексикона. Мой дом был здесь. В джунглях Вьетнама. Хотя произошло это совершенно случайно. После школы, на волне всеобщего туристического бума, я приехал в Таиланд. Тогда казалось, что это просто очередное путешествие. Море, пляжи, дешёвое пиво, новые знакомства и полная свобода. Десять дней пролетели как один. И вот настал день обратного билета. Но домой почему-то не хотелось. Совсем. Я сидел вечером в баре на берегу моря и пытался понять, что со мной происходит. В этот момент рядом подсел какой-то бесшабашный парень. Австралиец или англичанин уже не помню. Выслушав мою историю, он расхохотался. Проблема только в паспорте, дружище. В каком смысле? Закопай его и устройся работать гидом. Он сказал это в шутку. Но иногда самые важные решения в жизни начинаются именно с шутки. Через неделю я уже водил группы туристов по островам, показывал им храмы, рассказывал легенды, которых сам толком не знал, и делал вид, что прекрасно разбираюсь в местной культуре. Платили немного. Но мне хватало. Дни складывались в недели. Дни складывались в недели. Недели в месяцы. Потом появилась девушка. Как бы человек ни убеждал себя в собственной независимости, в одиночку долго не проживёшь в чужой стране. То ли сердца тянутся друг к другу, то ли ещё что-то тянется, но рано или поздно рядом появляется кто-то, с кем хочется встречать рассветы и провожать закаты. Так произошло и со

мной. Она появилась совершенно неожиданно. Как появляются многие важные люди в нашей жизни случайно и не вовремя. Сначала были прогулки по вечерним улицам, дешёвые кафе на берегу моря и бесконечные разговоры обо всём на свете. Потом совместные поездки на байке через весь остров. Потом её зубная щётка в моей ванной. А потом как-то само собой получилось, что мы стали жить вместе. Без свадоб. Без колец. Без клятв. Просто однажды поняли, что по отдельности уже не хочется. Так временное постепенно превратилось в постоянное. Мы жили гражданским браком в далёком Таиланде и были уверены, что впереди у нас целая жизнь. Снимали небольшой домик недалеко от моря. По вечерам сидели на веранде, слушали цикад и строили планы, которые, как нам тогда казалось, обязательно должны были сбыться. В молодости будущее выглядит надёжным. Кажется, что всё ещё впереди. Что время бесконечно. Что люди, которых ты любишь сегодня, будут рядом всегда. Но жизнь любит смеяться над человеческими планами. Особенно над теми, которые кажутся незыблемыми. Тогда я этого ещё не понимал. Я просто был счастлив. Наверное, впервые по-настоящему счастлив после того дня, как сошёл с самолёта и решил не возвращаться домой. Именно тогда я впервые подумал, что, возможно, дом это не место на карте. Не город. Не страна. И даже не дом из кирпича и бетона. Дом это человек, рядом с которым ты перестаёшь чувствовать себя чужим. Я всё реже звонил домой. Всё реже вспоминал друзей.

Всё реже думал о том человеке, который когда-то стоял на школьном выпускном и строил серьёзные планы на жизнь. Тот парень хотел карьеру. Хотел квартиру. Хотел стабильность. Наверное, хотел семью. А я сидел на крыльце полуразвалившейся лачуги посреди вьетнамских джунглей, пил ром, подаренный деревенской бабушкой, и читал дневник давно умершего француза. Если честно, мне нравился именно мой вариант. Потому что тот парень из прошлого всё время куда-то спешил. А я наконец никуда не торопился. Воспоминания всё чаще пугали меня. Наверное, именно поэтому я начал искать религию. В детстве меня крестили, как и большинство европейцев моего поколения. Но христианских храмов в тех местах почти не было. Зато Будда был повсюду. Он смотрел с зелёных холмов. Сидел в маленьких часовнях у дорог. Прятался среди деревьев возле деревень. Люди приносили ему фрукты, благовония, цветы. Складывали ладони у груди и просили о чём-то своём. Тогда я мало что понимал в буддизме. Но меня притягивало спокойствие на лицах этих людей. Казалось, они знали какой-то секрет, который был недоступен мне. Настоящий кризис наступил позже. В тот день, когда меня бросила гражданская жена. Никаких скандалов. Никаких истерик. Никаких объяснений. Она просто собрала вещи, забрала наши накопления и исчезла. А перед отъездом успела сдать наш домик на полгода вперёд каким-то русским туристам. Утро получилось незабываемым. Я проснулся совершенно голый от настойчивого стука

в дверь. На пороге стояли новые жильцы. Следом появился хозяин дома. Мне сунули в руки договор аренды. Потом ещё раз постучали в дверь, намекая, что время на размышления закончилось. Я стоял посреди комнаты, пытаюсь понять, что происходит. Без жены. Без денег. Без жилья. С просроченной визой в паспорте. И с таким выражением лица, словно только что получил удар веслом по голове. Когда за новыми жильцами закрылась дверь, я сел на свой рюкзак и рассмеялся. Ситуация была настолько плохой, что оставалось либо смеяться, либо начинать плакать. Получалось, что жизнь аккуратно вернула меня туда, откуда всё когда-то началось. На самый первый уровень. Тот самый день, когда я решил остаться в Таиланде и понятия не имел, что буду делать завтра. Разница была лишь в одном. Тогда у меня ничего не было, но впереди была надежда. Теперь же у меня был опыт, но исчезли все иллюзии. Именно в тот день я впервые по-настоящему заинтересовался словами Будды. Потому что когда человек теряет почти всё, он начинает внимательно слушать тех, кто говорит о страдании, привязанности и освобождении.

Глава 3

Утешение я нашёл в учении Будды. Его образ смотрел на меня со склонов холмов, из маленьких часовен и храмов, разбросанных по всей стране. Люди приносили ему цветы, благовония и фрукты, а я принёс свою боль и растерянность. После ухода жены мир казался пустым и чужим, и именно тогда я переступил порог монастыря. Там я прожил целых

четыре года. Изучал языки, знакомился с древними текстами, слушал наставников и часами сидел в медитации. День за днём шум мыслей становился тише, а обиды теряли свою власть надо мной. Я ещё не обрёл ответы на все вопросы, но впервые за долгое время почувствовал внутренний покой и надежду на то, что жизнь продолжается. Монахом я так и не стал. Возможно, всему виной была молодость, а может быть, то, что я оставался европейцем среди людей, посвятивших монастырю всю свою жизнь. Меня всегда немного выделяли среди остальных. Ко мне относились доброжелательно, но полной частью этого мира я так и не стал. В конце концов я снова вернулся в поток туристической жизни. Судьба привела меня обратно к людям, путешествиям и бесконечным экскурсиям по Таиланду. Однако годы, проведённые в монастыре, не прошли бесследно. Они наложили глубокий отпечаток на моё мировоззрение, и многие замечали это уже после нескольких минут разговора. Знание тайского языка, истории страны и буддийских традиций во многом определило моё будущее. При любых проверках полиции именно мне поручали вести переговоры. Тайцы, включая чиновников и полицейских, нередко приходили в изумление, когда слышали, насколько свободно я говорю на их языке и насколько хорошо разбираюсь в их культуре и религии. Поэтому самые сложные и щекотливые экскурсии с точки зрения закона обычно доставались мне. Соответственно, и платили за такую работу по высшему разряду. Казалось, что я нако-

нец нашёл своё место в жизни. Это был почти рай. Но даже в раю, как говорится, всё может измениться в один миг. Именно тогда я встретил её. Она стояла среди шумной толпы туристов растерянная, беззащитная и совершенно потерянная в чужой стране. Её звали Маша. Она была хрупкой и потерянной. В её глазах я увидел то, что когда-то видел в зеркале сам. Её судьба во многом напоминала мою. После года жизни в Паттайе парень бросил её одну в чужой стране. Без поддержки, без денег и без понимания, что делать дальше. Я подошёл к ней и поздоровался. Привет. Она подняла на меня заплаканные глаза. Не всё в этом мире зло, сказал я. Не позволяй одной неудаче разрушить твою веру в людей. Забудь обиды и иди дальше. Мир гораздо красивее, чем кажется сейчас. Он способен подарить тебе счастье и просветление, если ты откроешь ему своё сердце. Тогда мне казалось, что я говорю не с ней, а с самим собой тем потерянным человеком, которым был несколько лет назад. Я рассказал ей о Будде, о принятии, о том, что любая боль временна и что за каждой потерей обязательно приходит новое начало. Она слушала внимательно, словно цеплялась за каждое слово. И постепенно в её взгляде появился свет. Она поверила мне. А вместе с её верой в меня незаметно вернулся и мой собственный интерес к жизни. Сначала я просто помог ей. Нашёл недорогую комнату неподалёку от моря, познакомил с людьми, которые могли подсказать работу, показал город таким, каким его видят не туристы, а те, кто прожил здесь

много лет. Днём я проводил экскурсии, а вечерами мы подолгу гуляли по набережной. Она рассказывала о своей жизни, о мечтах, которые разбились вместе с её отношениями, о страхе возвращаться домой ни с чем. Я слушал её и всё чаще ловил себя на мысли, что жду этих разговоров. Маша постепенно менялась. Исчезла растерянность, появилась улыбка. Она снова начала смеяться, строить планы и смотреть в будущее без страха. Мне было приятно видеть эти перемены. Наверное, потому что когда-то кто-то так же помог подняться мне самому. Однажды вечером мы сидели на берегу моря. Солнце медленно уходило за горизонт, окрашивая воду в золотой цвет. Волны лениво накатывали на песок, а вокруг было непривычно тихо. Знаешь, сказала она, не отрывая взгляда от горизонта, если бы я не встретила тебя тогда, я бы, наверное, сломалась. Я улыбнулся. Люди гораздо сильнее, чем им кажется. Она повернулась ко мне. Нет. Иногда человеку нужен другой человек. Я ничего не ответил. Потому что понимал: в тот момент она говорила не только о себе. Четыре года монастырской жизни научили меня бороться с привязанностями. Буддийские наставники говорили, что именно привязанность становится причиной страданий. Я искренне старался следовать этому пути. Но чем больше времени мы проводили вместе, тем чаще я ловил себя на том, что думаю о Маше. Впервые за долгие годы меня пугало не одиночество. Меня пугала возможность её потерять. Именно тогда я понял, что судьба приготовила для меня испытание посложнее

любых монастырских практик и жизненных уроков. Я снова влюбился.

Глава 4

Сначала я не хотел признавать этого даже самому себе. После всего пережитого любовь казалась мне опасной дорогой, ведущей к новым потерям. Я слишком хорошо помнил, как однажды уже проснулся в пустом доме, где не осталось ничего, кроме воспоминаний. Поэтому я убеждал себя, что между нами просто дружба. Что я лишь помогаю человеку, оказавшемуся в беде. Что всё это скоро закончится, и каждый пойдёт своей дорогой. Но сердце редко спрашивает разрешения у разума. Маша всё чаще появлялась в моей жизни. Сначала случайно, потом ежедневно. Она встречала меня после экскурсий, приносила ужин, когда я возвращался поздно ночью, задавала бесконечные вопросы о Таиланде, о буддизме, о жизни. Иногда она смеялась над моими попытками объяснить сложные вещи простыми словами. Ты говоришь как старый монах, поддразнивала она. А ты слушаешь как непослушная ученица. Значит, учитель из тебя так себе. И мы оба смеялись. Впервые за много лет мне было легко рядом с человеком. Шли месяцы. Мы стали жить вместе. Без громких признаний, без красивых обещаний и романтических сцен. Просто однажды её вещи остались у меня на несколько дней, потом на неделю, а потом стало понятно, что возвращать их уже некуда. Дом снова наполнился жизнью. На кухне появились женские чашки, в ванной десятки непо-

нятных баночек, а по утрам меня будил запах кофе. Иногда я просыпался раньше неё и долго смотрел, как она спит. Тогда мне казалось, что судьба наконец решила вернуть мне долг за все прошлые испытания. Но жизнь никогда не бывает настолько простой. Однажды во время экскурсии мне позвонил старый знакомый. Есть серьёзный разговор, сказал он. Дело касается денег. Очень больших денег. Я не придавал этому значения. В туристическом бизнесе подобные разговоры случались постоянно. Но вечером он приехал лично. Мы сидели на веранде. Маша уже спала. Ночной ветер шевелил листья пальм, а вдалеке шумело море. Знакомый долго молчал, словно не решаясь начать. Потом достал сигарету и посмотрел мне прямо в глаза. Ты знаешь язык лучше многих тайцев. Тебя уважают чиновники. Полицейские тебе доверяют. Есть люди, которым нужен такой человек. Для чего? Он усмехнулся. Для работы, которая приносит деньги. Я почувствовал неприятный холод внутри. За годы жизни в Таиланде я успел понять одну простую вещь: когда кто-то начинает говорить о больших деньгах, редко речь идёт о чём-то хорошем.

И всё же я согласился его выслушать. В тот вечер я ещё не знал, что этот разговор станет началом событий, которые навсегда изменят не только мою жизнь, но и судьбу Маши. Он говорил спокойно, словно предлагал мне новую экскурсию. Но чем дольше я слушал, тем меньше мне нравилось услышанное. Речь шла не о наркотиках и не о контрабанде.

Всё выглядело вполне законно. Сопровождение иностранных инвесторов, помощь в переговорах, решение вопросов с местными властями, организация встреч и перевод документов. Однако за красивыми словами чувствовалось что-то ещё. Слишком большие деньги. Слишком много секретности. Слишком мало объяснений. Почему именно я? спросил я. Потому что, ты умеешь разговаривать с людьми, ответил он. И потому что тебе доверяют там, где другим не доверяют. Он назвал сумму. Я невольно усмехнулся. За такие деньги мне пришлось бы водить экскурсии несколько лет подряд. После его ухода я долго сидел на веранде один. Море шумело в темноте, а в доме горел тусклый свет ночника. Маша проснулась и вышла ко мне. Что случилось? Ничего особенного. Она внимательно посмотрела на меня. За время нашей жизни вместе она научилась замечать то, что я пытался скрывать. Ты всегда так говоришь, когда тебя что-то тревожит. Я рассказал ей о предложении. Она молчала. И что ты думаешь? спросил я. Думаю, что деньги редко приходят просто так. Ответ был мудрее, чем многие проповеди, которые я слышал в монастыре. Несколько дней я колебался. Одна часть меня говорила отказаться и продолжать жить как раньше. Другая напоминала, что молодость проходит, что у нас нет собственного жилья, нет накоплений и нет уверенности в завтрашнем дне. В конце концов я согласился на первую встречу. Она проходила в Бангкоке. Город встретил меня привычным хаосом. Потоки машин, неоновые вы-

вески, запах еды с уличных рынков и тысячи людей, спешащих по своим делам. В назначенном месте меня ждали трое. Двое тайцев и один европеец лет пятидесяти. Седые волосы, дорогие часы и взгляд человека, привыкшего командовать. Он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов о моей жизни, о языках, которые я знаю, о связях в туристической сфере. Потом неожиданно спросил: Вы верите в судьбу? Вопрос застал меня врасплох. После всего, что произошло в моей жизни, скорее да, чем нет. Он улыбнулся. Тогда судьба привела вас именно туда, где вы должны быть. В тот момент эти слова показались мне обычной красивой фразой. Лишь много позже я понял, насколько дорогой окажется цена этой встречи. Следующие несколько месяцев пролетели незаметно.

Глава 5

Сначала всё действительно выглядело вполне прилично. Меня приглашали на встречи, где обсуждались гостиничные проекты, туристические маршруты, сделки с недвижимостью и инвестиции. Я переводил, объяснял особенности местных законов и культуры, помогал людям находить общий язык. Деньги приходили легко. Слишком легко. За один день работы я иногда получал столько, сколько раньше зарабатывал за месяц экскурсий. Мы с Машей сняли хороший дом недалеко от моря. Купили автомобиль. Впервые за долгие годы я перестал считать расходы.

Казалось, что жизнь наконец повернулась ко мне лицом.

Но однажды я заметил одну странность. Люди, с которыми я работал, никогда не рассказывали всей правды. Каждый знал только свою часть дела. Вопросы не приветствовались. Чем меньше ты интересовался, тем больше тебе доверяли. Это настораживало. Однажды вечером я возвращался домой позже обычного. Маша ждала меня на террасе. Ты изменился, сказала она. В каком смысле? Раньше ты был спокойнее. Я улыбнулся. Просто много работы. Она покачала головой. Нет. Дело не в работе. Я промолчал. Потому что понимал: она права. Внутри меня снова поселилось чувство тревоги. Такое же, какое я испытывал много лет назад перед серьезными переменами в жизни. Через неделю меня вызвали на новую встречу. На этот раз разговор был коротким. Есть задание, сказал европеец. Нужно сопроводить одного человека на север страны и помочь ему решить несколько вопросов с местными властями. Что за человек? Тебе это знать не обязательно. Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. А если я откажусь? Мужчина внимательно посмотрел на меня. В его взгляде впервые исчезла дружелюбная улыбка. Конечно можешь отказаться. После короткой паузы он добавил: Но люди редко отказываются от возможностей, которые сами искали всю жизнь. Обратная дорога показалась бесконечной. Когда я приехал домой, Маша сразу поняла, что случилось что-то серьезное. Мы сидели на берегу моря почти до рассвета. Волны накатывали на песок и исчезали в темноте. Если тебе это не нравится, уходи, тихо сказала она.

Всё не так просто. Почему? Я посмотрел на неё. Потому что впервые за долгое время мне было что терять. Дом. Любимую женщину. Спокойную жизнь. Будущее, которое мы начали строить вместе. Именно тогда я понял, что оказался на перекрёстке двух дорог. Одна вела назад к простой жизни экскурсовода, где денег было немного, зато совесть оставалась чистой. Другая обещала богатство, связи и возможности, о которых раньше я мог только мечтать. Проблема была лишь в том, что чем дальше я шёл по второй дороге, тем меньше видел её конец. А впереди уже сгущалась тень событий, которые должны были проверить всё, во что я верил после своих лет в монастыре. Через несколько дней я всё-таки согласился на поездку. Не из-за денег. По крайней мере, так я убеждал себя. Мне хотелось понять, во что именно я оказался втянут. Любопытство всегда было моей слабостью. Иногда оно открывало новые горизонты, а иногда приводило к неприятностям. На север мы выехали ранним утром. Моим спутником оказался немногословный мужчина лет сорока. Он представился Виктором. Ни фамилии, ни подробностей о себе он не сообщил. За всю дорогу он больше смотрел в окно, чем разговаривал со мной. Лишь однажды он нарушил молчание: Говорят, ты жил в монастыре. Было дело. И чему тебя там научили? Я задумался. Принимать жизнь такой, какая она есть. Он усмехнулся. Тогда тебе будет проще, чем большинству людей. Ответ показался мне странным. Чем дальше мы ехали, тем сильнее росло чувство тревоги.

Вечером мы прибыли в небольшой город недалеко от границы. Туристов здесь почти не было. Узкие улицы быстро пустели после захода солнца, а местные жители с подозрением смотрели на незнакомцев. Нас поселили в старом отеле. Виктор сразу ушёл на какую-то встречу. Я остался один. Из окна номера были видны огни храма на соседнем холме. В темноте золотая ступа светилась мягким тёплым светом. Сам не понимая почему, я решил подняться туда.

Дорога шла через густые деревья. Вечерний воздух был наполнен запахом влажной земли и цветущих растений. На территории храма почти никого не было. Только старый монах сидел возле ступы и смотрел на звёзды. Я остановился рядом и машинально сложил ладони в приветствии. Он ответил тем же жестом. Некоторое время мы молчали. Потом он неожиданно спросил: Ты давно ищешь покой? От удивления я даже улыбнулся. Разве это так заметно? Человек всегда носит свои поиски на лице. Я сел рядом. Мы разговаривали почти час. О жизни, о выборе, о том, почему люди часто идут дорогой, которая противоречит их собственным убеждениям. Перед уходом монах сказал фразу, которую я запомнил на долгие годы: Когда человек начинает оправдывать свои поступки раньше, чем совершит их, значит, внутри себя он уже знает, что поступает неправильно. Всю обратную дорогу к отелю эти слова не выходили у меня из головы. А утром произошло то, чего я совершенно не ожидал. Меня разбудил настойчивый стук в дверь. На пороге стоял Виктор. Его

лицо было бледным. Собирайся, сказал он. Что случилось? Он оглянулся по сторонам и впервые за всё время нашего знакомства выглядел по-настоящему испуганным. Кажется, у нас серьёзные проблемы. Кажется, у нас серьёзные проблемы. Я окончательно проснулся. Какие ещё проблемы? Собирай вещи. По дороге объясню. Через десять минут мы уже ехали по пустынной утренней улице. Виктор нервно курил одну сигарету за другой и постоянно смотрел в зеркало заднего вида. Такого человека я видел впервые. Ещё вчера он производил впечатление человека, который ничего не боится. Теперь расскажешь? Он молчал несколько секунд. Один из наших партнёров исчез. Исчез? Вместе с деньгами. Я тяжело вздохнул. В подобных историях редко бывает хороший конец. И при чём здесь я? Пока ни при чём. Ответ мне не понравился. Слишком часто в жизни слова «пока ни при чём» означают, что скоро всё изменится. Мы выехали за пределы города и остановились возле придорожного кафе. Там нас уже ждали двое незнакомых мужчин. Разговор шёл на тайском. Они говорили быстро и напряжённо. Я переводил отдельные фразы для Виктора и постепенно начинал понимать общую картину. Кто-то действительно исчез. Исчезли деньги. Исчезли документы. И самое неприятное исчезнувший человек в последний раз встречался с несколькими чиновниками, которых я знал лично. Теперь мне стало ясно, почему меня привлекли к этой истории. Я оказался единственным человеком, который мог без лишнего шума выяснить неко-

торые детали. На протяжении следующих дней я встречался с людьми, задавал вопросы и собирал информацию. С каждым новым разговором история становилась всё более запутанной. Но постепенно начала вырисовываться другая картина. Человек не сбежал. Его заставили исчезнуть. А деньги были лишь частью гораздо более крупной игры. Когда я понял это, внутри всё похолодело. Я вспомнил слова монаха. «Когда человек начинает оправдывать свои поступки раньше, чем совершит их, значит, внутри себя он уже знает, что поступает неправильно». В тот вечер я долго сидел на балконе гостиницы. Перед глазами стояли огни ночного города. В голове звучал только один вопрос: «Как далеко я готов зайти ради денег и спокойной жизни?» Ответа у меня не было. Поэтому я позвонил Маше. Связь была плохой. Я слышал её голос сквозь треск и помехи. Когда ты вернёшься? Скоро, ответил я. У меня для тебя новость. В её голосе слышалась улыбка. Несколько секунд я просто смотрел на фотографию. Сначала мне показалось, что это чья-то глупая шутка. Но чем дольше я разглядывал снимок, тем сильнее понимал: это не случайность. Фотография была сделана недавно. Маша сидела в небольшом кафе возле моря. Именно туда мы часто ходили по вечерам. Она улыбалась, не подозревая, что кто-то наблюдает за ней через объектив камеры. На обратной стороне по-прежнему стояли всего четыре слова: «Не задавай лишних вопросов». Я почувствовал, как внутри поднимается холодная волна. До этого момента происходящее ка-

салось только меня. Теперь кто-то дал понять, что знает о Маше. И это меняло всё. Я сложил фотографию и убрал её во внутренний карман. В тот день я никому ничего не сказал. Ни Виктору. Ни людям, которые меня наняли. Ни даже самой Маше. Сначала я хотел понять, кто именно стоит за предупреждением. Вечером я снова встретился с одним из чиновников, которого знал много лет. Мы разговаривали о пустяках, пили чай, вспоминали старые времена. А потом он неожиданно посмотрел на меня долгим взглядом. Ты хороший человек, сказал он. Надеюсь. Тогда мой тебе совет: заканчивай эту работу и возвращайся домой. Я насторожился. Всё настолько плохо. Он не ответил сразу. Иногда человеку лучше не знать правду. После этих слов он поднялся и ушёл. Это был самый честный разговор за всё время моего участия в этой истории. Ночью я почти не спал. А под утро принял решение. Я возвращаюсь к Маше. Плевать на деньги. Плевать на контракты. Плевать на людей, которые считают, что могут запугать меня фотографиями и угрозами. Утренний автобус отправлялся в семь часов. Я собрал вещи ещё затемно. Но когда спустился в холл гостиницы, меня уже ждали. Возле стойки администратора сидел Виктор. Перед ним стояла чашка давно остывшего кофе. Он даже не удивился моему появлению. Уезжаешь? спокойно спросил он. Да. Поздно. Мне не понравились ни его тон, ни выражение лица. Что значит поздно? Виктор медленно поднялся. В его глазах не было привычной усталости. Только какая-то тяжёлая обре-

чённость. Потому что теперь дело касается не только денег. Он достал из кармана телефон и молча протянул его мне. На экране была новостная заметка. Небольшая, всего несколько строк. Происшествие на одной из дорог северного Таиланда. Автомобиль. Авария. Один погибший. Я сразу узнал имя. Это был тот самый человек, которого мы искали. Тот самый человек, который якобы исчез вместе с деньгами. Но больше всего меня поразила последняя строчка. По официальной версии он погиб ещё три дня назад. Три дня назад. А значит, всё это время нас заставляли искать человека, который уже был мёртв. Я медленно поднял взгляд на Виктора. Кто-то врёт. Он горько усмехнулся. Теперь ты начинаешь понимать, в какую историю мы попали. И в этот момент я впервые по-настоящему пожалел, что согласился на ту встречу в Бангкоке. Хорошая? Она помолчала несколько секунд. Думаю, да. Я тоже улыбнулся. Впервые за несколько дней тревога немного отступила. Мы поговорили ещё несколько минут и попрощались. Я не знал, что это будет наш последний спокойный разговор на очень долгое время. Потому что уже следующим утром возле дверей моего номера появился конверт без обратного адреса. Внутри лежала всего одна фотография. На ней была Маша. А на обратной стороне чьей-то рукой было написано короткое предупреждение: «Не задавай лишних вопросов». Кто был в этом виноват и что делать я не знал. Что это карма или месть богов. Где истина я не знал. В голове крутились лишь вопросы ответа не было.

Глава 6

Мы вышли из отеля не стовариваясь. Виктор шёл рядом молча, и это молчание давило сильнее любых объяснений. Город вокруг жил своей обычной жизнью. Люди спешили по делам, продавцы открывали лавки, мотоциклы с шумом пролетали мимо. Никто не знал, что для нас этот день уже изменил всё. Кто это мог сделать? наконец спросил я. Виктор не сразу ответил. В таких историях редко бывает один человек. Мы сели в машину. Он завёл двигатель, но не тронулся с места. Есть два варианта, сказал он. Либо нас просто убирают. Либо нас ведут к чему-то большему. И тебе какой вариант нравится больше? Он усмехнулся без радости. Ни один. Мы всё-таки поехали. Я смотрел на дорогу и впервые за долгое время чувствовал не тревогу, а ясность. Странную, холодную ясность человека, который дошёл до точки, где больше нельзя делать вид, что всё под контролем. Я должен увидеть Машу, сказал я. Виктор кивнул. Я бы тоже на твоём месте думал о ней. Она здесь ни при чём. В таких делах «ни при чём» не существует. Эта фраза мне не понравилась, но спорить я не стал. Мы ехали долго, пока город не остался позади. Я попытался дозвониться Маше телефон не отвечал. Сначала я думал о плохой связи. Потом о совпадениях. Потом о том, что совпадений слишком много. Когда мы подъехали к дому, дверь была приоткрыта. Я вышел первым. Внутри стояла тишина. Слишком плотная, слишком правильная. Маша? позвал я. Ответа не было. Виктор вошёл следом, оглядывая

комнаты. Я прошёл в спальню. Кровать была аккуратно заправлена. На столе лежала записка. Всего одна строка. «Если хочешь её увидеть приезжай один». Подписи не было. Я сжал бумагу в руке так сильно, что она почти порвалась. Виктор стоял в дверях. Теперь ты понимаешь, тихо сказал он, что ты уже не участник. Ты цель. Я посмотрел на него. Впервые за всё время я не увидел в его глазах ни уверенности, ни силы. Только усталость человека, который слишком поздно понял правила игры. Я поеду, сказал я. Один? Один. Он молчал несколько секунд. Потом кивнул. Тогда слушай внимательно. Он назвал место. Старый склад за пределами города. И время. Сегодня ночью. Когда он ушёл, я остался один в пустом доме. Я сел на пол и впервые за долгое время позволил себе не думать о последствиях. Я думал только о Маше. О её улыбке. О голосе. О том, как она говорила, что человеку иногда нужен другой человек. И теперь этот другой человек должен был решить, насколько далеко он готов зайти, чтобы её вернуть. За окном начинало темнеть. Ночь приближалась быстро. И вместе с ней приближался момент, после которого назад дороги уже не будет. Я приехал к складу раньше времени. Не потому что хотел быть осторожным просто не мог больше сидеть в пустом доме. Ночь была густая, безветренная. Фонари вдоль дороги горели редкими островками света, между которыми лежала плотная темнота. Склад оказался старым, полузаброшенным. Ржавый забор, выцветшие вывески, бетонные стены с трещинами. Всё выглядело так, буд-

то это место давно перестало интересовать кого-либо кроме тех, кому есть что здесь скрывать. Я остановил машину в сотне метров и дальше пошёл пешком. Каждый шаг отдавался внутри глухим напряжением. Я не думал о том, что могу не вернуться. Я думал только о том, чтобы увидеть Машу. У входа никого не было. Дверь была приоткрыта. Я вошёл. Внутри пахло пылью, ржавчиной и старым деревом. Света почти не было только слабые лампы под потолком, мигающие с перебоями. Я пришёл, сказал я. Голос прозвучал глухо, будто чужой. Из глубины склада медленно вышли двое. Один из них был мне незнаком. Второго я узнал сразу. Европейец из Бангкока. Он выглядел спокойным, даже слишком спокойным. Ты пришёл один, сказал он. Где Маша? Он чуть наклонил голову, словно оценивая меня. Сначала разговор. Я сделал шаг вперёд. Нет. Сначала Маша. Тишина стала плотнее. Потом он кивнул кому-то в темноте. И я увидел её. Маша стояла у колонны, руки связаны не были, но рядом находился человек, который не позволял ей сделать ни шага. Она выглядела бледной, но живой. Когда наши взгляды встретились, в её глазах мелькнул страх и облегчение одновременно. Ты пришёл... тихо сказала она. И в этот момент во мне что-то окончательно сломалось и собралось заново. Европейец сделал шаг вперёд. Теперь ты понимаешь, почему тебя выбрали. Вы меня не выбрали, сказал я. Вы меня использовали. Он усмехнулся. Это одно и то же, если человек соглашается. Я не слушал дальше. Всё внутри меня сузилось

до одного простого решения: выйти отсюда с ней. Любой ценой. Чего вы хотите? спросил я. Он посмотрел на меня внимательно. Чтобы ты сделал то, что умеешь лучше всего. Перевёл очередную ложь? Выжил в ней. Он сделал паузу. И довёл дело до конца. Я посмотрел на Машу. Она едва заметно покачала головой. Нет. И в этот момент я понял, что никакого «конца» не будет. Только выбор. Я медленно сделал шаг назад. Европейец не двигался. Ты думаешь, у тебя есть варианты? спокойно спросил он. Я не ответил. Потому что уже принял решение, которое не требовало слов. И впервые за много лет я вспомнил не монастырь. А то утро, когда я понял, что спокойствие иногда стоит дороже жизни. Я резко шагнул в сторону, к тёмному проходу между контейнерами. И склад взорвался движением.

Глава 7

Это был мой выбор, основанный на опыте. В какой-то момент я выбрал не риск, не деньги и не чужие игры, а путь, который давал мне опору внутри. Я ушёл в монастырь и нашёл там спокойствие. Размеренная жизнь, изучение языков, молчание и дисциплина всё это постепенно возвращало меня к себе. Я учился не столько учениям, сколько состоянию, в котором ум перестаёт метаться. Вера стала моим убежищем. Для меня это был не столько образ Бога, сколько путь понимания мира. В учении Будды я нашёл не обещание награды, а способ жить без постоянной внутренней войны. Умиротворение стало важнее побед и поражений. И чем дальше я ухо-

дил от хаоса, тем яснее понимал: всё, что со мной происходило раньше, было не случайностью, а проверкой на то, чем я в итоге стану. Я долго искал смысл в людях, событиях, деньгах и страхе. А нашёл его в тишине. Иногда мне кажется, что всё, что было потом. Маша, дороги, страх, выборы на грани было лишь последним испытанием перед тем, как я окончательно понял, что покой не снаружи. Он всегда был внутри. И внезапно пришедшая пандемия COVID-19 всё поставила на свои места. Мир, который ещё вчера казался шумным, живым и бесконечным, резко сжался. Туристы исчезли. Улицы опустели. Люди закрылись в своих домах, как будто жизнь сузилась до размеров одной комнаты и одного экрана. Исчезло общение, исчезла суета, исчезла иллюзия постоянного движения. Осталась только тишина. И религия. В этот период я окончательно ушёл в монастырскую жизнь. Я ходил босиком в оранжевой мантии по утренним улицам, собирая подаяния. Город стал другим более тихим, более честным. Казалось, что сама реальность замедлилась, позволяя человеку наконец услышать себя. Русские удалёнщики, оставшиеся в Таиланде, стали узнавать меня. Кто-то здоровался, кто-то подносил еду, кто-то просто смотрел с уважением и лёгким удивлением, как будто я стал частью местного пейзажа живым напоминанием о чём-то древнем и забытом. Иногда я останавливался и говорил с ними. Я не проповедовал в привычном смысле. Я просто напоминал. Всё, что вы отдаёте сейчас, говорил я, вернётся к вам сторицей. Не сразу.

Не так, как вы ожидаете. Но вернётся. А потом? спрашивали они. Я смотрел на них и отвечал спокойно: Потом будет другая жизнь. Не обязательно легче. Но глубже. Иногда я добавлял: И в той жизни вы уже не будете теми, кем были здесь. Они слушали, кто-то кивал, кто-то улыбался, кто-то не верил. Но я сам уже не спорил с тем, что видел. Потому что к этому моменту я больше не искал доказательств. Я жил внутри опыта, который нельзя было объяснить словами. И чем тише становился внешний мир, тем отчётливее я понимал одну простую вещь: всё, что человек считал важным, может исчезнуть за один день. А то, что остаётся после этого, и есть он сам. Жизнь в Паттайе во время пандемии изменилась до неузнаваемости. Город, который раньше жил ночами, музыкой, туристами и бесконечным движением, будто выключили из розетки. Не стало привычного шума баров. Закрылись отели. Пляжи опустели так, что песок начал выглядеть чужим как будто он больше никому не принадлежал. Иногда я выходил рано утром и шёл вдоль берега. Море было всё тем же, но вокруг него не осталось привычной человеческой суеты. Только редкие местные жители, рыбаки и такие же, как я, застрявшие здесь люди. Удалёнщики, случайные иностранцы, те, кто не успел уехать. Город стал похож на декорацию, из которой ушли актёры. Я продолжал жить в монастырском ритме, хотя уже не был монахом в полном смысле этого слова. Это стало привычкой ранние подъёмы, молчание, наблюдение, простая еда, медленные шаги. Иногда я хо-

дил босиком по улицам, где раньше не протолкнуться было от туристов. Теперь там было пусто. И в этой пустоте всё звучало громче. Мысли, воспоминания, внутренние вопросы, от которых раньше легко было убежать в шум города. Иногда казалось, что пандемия не остановила жизнь, а просто заставила каждого остаться наедине с самим собой. И не всем это нравилось. Я видел, как люди постепенно распадаются на привычки. Кто-то уходил в алкоголь. Кто-то в бесконечные разговоры о новостях. Кто-то в полное безразличие. А кто-то, наоборот, впервые начинал искать смысл там, где раньше его не замечал. Я не проповедовал и не учил. Я просто жил. Иногда ко мне подходили знакомые тайцы или оставшиеся иностранцы. Просили совета, спрашивали о жизни, о страхе, о том, что будет дальше. Я отвечал просто. Ничего нового не будет. Всё уже внутри вас. Некоторые кивали. Некоторые уходили разочарованными. Но почти никто не спорил. Потому что спорить с тишиной было сложнее, чем с человеком. Вечерами я сидел у моря. Смотрел, как темнеет горизонт. И впервые за долгое время не пытался представить будущее. Будущее исчезло из планов и превратилось в что-то неопределённое, почти неважное. Осталось только настоящее. Дыхание. Волны. И редкие огни города, который когда-то был другим. Иногда мне казалось, что пандемия не разрушила мир. Она просто убрала из него всё лишнее. И оставила человека один на один с тем, от чего он так долго пытался уйти. Со временем даже это состояние перестало казаться чем-

то особенным. Пустая Паттайя стала новой нормальностью. Мир, в котором раньше всё измерялось движением, деньгами и шумом, теперь измерялся паузами. Я начал замечать вещи, на которые раньше не обращал внимания: как меняется свет на улицах в разное время дня, как медленно заживают старые здания без людей, как по-другому звучит дождь, когда его некому слушать в кафе и барах. Иногда казалось, что город не умер, а просто перестал притворяться живым. Я жил скромно. Небольшая комната, минимум вещей, простая еда. Деньги, которые раньше казались важными, теперь тратились почти автоматически и без эмоций. Иногда я вспоминал прошлую жизнь экскурсии, переговоры, странные встречи, людей, которые приходили и так же быстро исчезали. Всё это выглядело как чужая история. Будто я был не участником, а наблюдателем. Однажды вечером я встретил Виктора. Это было случайно у маленького магазина на окраине. Он постарел. Не внешне даже, а как будто внутри. Ты всё ещё здесь, сказал он вместо приветствия. А ты думал, я исчезну? Он усмехнулся. В этой истории многие исчезли. Мы стояли рядом и молчали. Между нами больше не было ни работы, ни денег, ни целей. Только прошлое. Всё закончилось? спросил я. Виктор пожал плечами. Ничего не заканчивается. Просто меняет форму. Он посмотрел на пустую улицу. Пандемия хотя бы честная. Она не обещает ничего лишнего. Я кивнул. Это было правдой, которую никто не хотел признавать. Перед уходом он сказал: Ты стал другим. Я ответил

не сразу. Все стали другими. Он покачал головой. Нет. Большинство просто перестало это замечать. И ушёл. Я остался один у магазина. Дождь начинался медленно, почти незаметно. Я шёл домой и думал о том, что, возможно, это и есть настоящая жизнь не события, не драматичные повороты, не выборы на грани. А тихое существование между ними. Без иллюзий. Без ожиданий. Без необходимости куда-то бежать. И впервые за долгое время мне не хотелось ничего менять.

Глава 8

Но однажды я решил изменить свою жизнь. Это решение не пришло внезапно оно зрело внутри меня давно, тихо, почти незаметно. Пандемия уже перестала казаться концом света. Она обрела границы, стала чем-то объяснимым и управляемым. Страх, который когда-то висел в воздухе, начал рассеиваться. И тогда во мне снова заговорило прошлое. Я вспомнил место, которое всегда будто тянуло меня к себе не как точка на карте, а как ощущение. Я пошёл туда. Старое священное место за пределами привычных дорог, где когда-то я впервые почувствовал странное спокойствие, будто мир там говорил тише, чем везде. Я копал землю молча. Руки работали автоматически, пока внутри всё было сосредоточено на одном на возвращении к самому себе. И я нашёл его. Свой паспорт. Он был там всё это время, как символ другой жизни, которую я когда-то оставил позади, не до конца понимая, что именно оставляю. Пандемия уже больше не казалась такой страшной, как вначале. Она стала про-

сто ещё одним этапом, через который прошёл мир. Я вернулся в Паттайю и пришёл в посольство России. Подал заявление на эвакуацию. Мне не простили нарушение визового режима. Никто не уговаривал и не пытался остановить. Всё происходило спокойно, почти без эмоций как формальность, которая давно должна была случиться. Я принял это. Смирился и просто ждал. Через какое-то время меня вывезли в Россию. И поместили в больницу на карантин. Белые стены, тишина, строгий режим, отсутствие привычного мира за окном всё это стало новым переходным состоянием. Как будто одна жизнь закончилась не в момент решения, а в момент полной изоляции от всего, что её наполняло. И впервые за долгое время у меня не было ни маршрута, ни выбора, ни необходимости куда-то идти. Только ожидание. И пустота, в которой снова начинало проступать что-то новое ещё неясное, но уже неизбежное. Карантинная больница оказалась местом, где время потеряло привычный ход. Дни не отличались друг от друга. Белые стены, одинаковые коридоры, запах антисептика и редкие шаги персонала за дверью. Всё это складывалось в одно длинное, тягучее настоящее. Сначала я сопротивлялся этому состоянию. Пытался читать, вспоминать, строить планы, возвращаться мыслями в Паттайю, в монастырь, в прошлые решения. Но постепенно понял здесь ничего не происходит кроме самого ожидания. И ожидание стало единственным содержанием жизни. Иногда меня выводили на короткие прогулки по территории.

Маленький двор, огороженный сеткой, серое небо, редкие деревья. Люди вокруг были такими же тихими, как и я каждый в своей изоляции, в своей версии остановленного мира. Мы почти не разговаривали. Слов было слишком много в прошлом, и слишком мало смысла в настоящем. Однажды ко мне подошёл врач. Вы давно живёте за границей? спросил он, листая бумаги. Я задумался. Достаточно, чтобы забыть, где дом. Он кивнул, не поднимая глаз. Теперь будете вспоминать. Эта фраза почему-то осталась со мной. Внутри карантина не было ни религии, ни работы, ни роли, которую можно было бы играть. Даже моя монастырская привычка наблюдать за собой постепенно растворялась. Здесь нечего было наблюдать только тишина и физиология существования. И всё же именно в этой пустоте начали всплывать вещи, которые раньше были скрыты шумом. Не события. Не люди. А сам я. Без историй, которые я рассказывал о себе. Без оправданий. Без пути, который я себе придумывал. Иногда ночью я лежал и просто слушал тишину палаты. И в какой-то момент перестал воспринимать её как отсутствие чего-то. Она стала присутствием. Спокойным, тяжёлым, честным. И в этом состоянии впервые за долгое время пришла мысль, которую я раньше всегда отталкивал: всё, что со мной происходило монастырь, Паттайя, деньги, страх, выборы не было отдельными жизнями. Это была одна и та же жизнь, просто в разных формах. И я наконец начал видеть её целиком. Без разделений. Без иллюзии, что где-то есть “другой

я”, который мог бы выбрать иначе. Был только один я. И он всё это прошёл. И, возможно, всё ещё проходил.

Глава 9

Но в этой новой реальности я не находил себе места. Я ничего не умел в привычном для этого мира смысле и, главное, ничего не хотел. Всё, что раньше казалось важным работа, планы, деньги, связи теперь вызывало лишь внутреннее отторжение. Мне было чуждо само стремление снова “встраиваться” в систему, которая только что закрылась и открылась заново, будто ничего не произошло. Я не мог жить в России так, как жил раньше где-то ещё. И тогда я достал свой оранжевый монашеский балахон. Просто надел его. И вышел. Пешком по Москве. Город уже начал приходить в себя после ограничений. Комендантский час сняли, маски ещё оставались на лицах людей, но страх постепенно уходил. Однако я в оранжевом одеянии среди серых улиц выглядел как напоминание о другом времени о мире, который люди старались забыть или поскорее вернуть. И меня замечали. Сначала с удивлением. Потом с растерянностью. А затем с чем-то, что было похоже на попытку ухватиться за смысл. Кто-то останавливался. Кто-то просто смотрел мне вслед. Иногда мне давали подаяния привычным жестом, почти автоматически, как будто сам мой образ возвращал людей в какое-то внутреннее воспоминание о простоте, которой им не хватало. Иногда происходило странное. Меня догоняли, ловили за рукав, совали в руки деньги доллары, купюры, сложенные

поспешно, почти отчаянно. Не как подаяние. А как жест надежды. Как будто люди пытались купить не мою благосклонность, а вернуть себе ощущение, что мир снова станет понятным. Что можно снова уехать, путешествовать, жить “как раньше”. Они смотрели на меня и как будто спрашивали без слов: «Это же закончится?» «Мы вернёмся обратно?» А я не всегда знал, что им ответить. Потому что в моём опыте уже не было “обратно”. Была только дорога, которая всегда ведёт вперёд, даже если кажется, что ты стоишь на месте. Я шёл по Москве медленно, босиком внутри своей памяти, и чувствовал, как город вокруг меня всё ещё пытается собрать себя заново. А я уже не пытался собирать ничего. Я просто был. Но вскоре стало холодно ходить босиком. Даже мой путь привычка, почти образ жизни начал сталкиваться с реальностью тела и климата. Мир снова напоминал, что он не только духовный, но и физический. А Таиланд был уже не тем местом, куда можно было вернуться. Границы закрывались, открывались, снова закрывались. Всё стало непредсказуемым. Бирма казалась слишком странной и тяжёлой для моего состояния, Лаос хаотичным и непонятным. И тогда я выбрал Вьетнам. Просто как направление. Не как план. Деньги я не считал. Они лежали плотной, почти случайной массой в моей котомке, как будто потеряли своё значение. Я не чувствовал к ним ни страха, ни привязанности. Они просто были. Окружающий мир тоже изменился. Люди стали другими подавленными, уставшими, будто внутри них что-то перегорело.

И в этом состоянии даже моё странное существование перестало казаться чем-то вызывающим. Иногда мне казалось, что воровать у монаха в такой реальности было бы почти кощунством — не потому что я был особенным, а потому что у людей не осталось сил на лишние движения души. Я просто купил билет. Семь дней путёвки. И вылетел в Дананг. Самолёт казался не транспортом, а переходом. Как будто я снова менял не страну, а форму собственной жизни. И когда под крылом исчезла прежняя земля, я впервые за долгое время не почувствовал ни тревоги, ни ожидания. Только пустое спокойствие дороги, у которой нет конечной точки. Впереди не было ясности. Но это уже не пугало. Потому что я начинал понимать: всё, что я называю “своей жизнью”, всегда было лишь временной остановкой между перемещениями. Я прибыл во Вьетнам другим человеком.

Глава 10

И с другой мечтой. Не покорить страну, не встроиться в неё, не стать частью нового потока людей и событий. Всё это больше не имело для меня смысла. Я уже прожил достаточно жизнью внутри одной жизни, чтобы понять: попытка “освоиться” это просто ещё одна форма беспокойства. Я прилетел сюда, чтобы найти покой. Дананг встретил меня влажным воздухом, мягким шумом моря и ощущением, что всё здесь движется медленнее. Город не давил, не требовал, не втягивал. Он просто существовал рядом. Я снял небольшую комнату недалеко от побережья. Без планов. Без маршрутов. Без

идеи, что будет дальше. Первые дни я просто ходил. Утром к воде. Днём по узким улицам с кафе и лавками. Вечером обратно к морю, где свет медленно растворялся в горизонте. И постепенно стало происходить то, чего я не ожидал: внутри начало утихать даже то, что я считал своей сутью постоянное наблюдение, анализ, поиск смысла. Я больше не искал. Я смотрел. Иногда я садился у воды и просто слушал. Шум волн здесь был другим не таким агрессивным, как в местах, где я жил раньше. Он не перебивал мысли. Он их растворял. Люди вокруг тоже были другими. Не хуже и не лучше. Просто менее вовлечёнными в драму собственной жизни, как мне казалось. Туристы, местные, случайные прохожие все они двигались в одном ритме, не требующем объяснений. Я перестал носить образ монаха постоянно. Но он не исчез. Он стал чем-то внутренним, а не внешним. Иногда ко мне подходили люди просто из любопытства или из странного уважения к моему молчаливому присутствию. Спрашивали, откуда я. Зачем приехал. Что ищу. Я отвечал честно: Ничего. Они не всегда понимали. Но и не настаивали. Потому что “ничего” в этом месте звучало не как пустота, а как форма честности. Прошное больше не тянуло меня назад с прежней силой. Оно было как дальний берег, который всё ещё виден, но уже не влияет на движение воды. И в этой новой тишине я начал понимать простую вещь: покой это не место. И не страна. И не состояние, которое можно достичь раз и навсегда. Это момент, в котором человек перестаёт убегать

от самого себя. И впервые за очень долгое время мне не хотелось бежать дальше. Но Вьетнам оказался не Таиландом. И даже при том, что язык, жесты, культурные коды Юго-Восточной Азии были мне уже знакомы, здесь всё ощущалось иначе. Та же близость к сиамскому миру не делала меня своим. Слишком много лет социалистического влияния изменили ритм, взгляд, отношение людей к любому, кто выбивается из нормы. Здесь меня не воспринимали как монаха. И это было первым настоящим ударом за долгое время. Не было ни любопытства, ни уважения, ни той мягкой терпимости, с которой ко мне относились в других местах. Иногда я чувствовал открытое раздражение, иногда холодное безразличие, а иногда и тихое презрение, как к человеку, который выбрал странный и бесполезный путь. Мой образ больше не работал. Оранжевый цвет не вызывал ассоциаций с духовностью он просто выделял меня из привычной социальной ткани. И впервые за долгое время я понял, что больше не могу оставаться наблюдателем. Мне пришлось выйти в люди. Не как учитель. Не как монах. И даже не как странник, которому позволено просто существовать на обочине мира. А как обычный человек, который снова должен взаимодействовать с реальностью напрямую без защиты образа, без уважения, без автоматического принятия. Я начал с простого. Работа. Не духовные поиски, не внутренние практики, а банальная необходимость существовать внутри системы, которая не обязана была меня понимать. Я брался

за всё, что мог: сопровождение, перевод, мелкие поручения, помощь туристам, иногда случайные задания от русскоязычных групп, которые появлялись здесь всё так же непредсказуемо, как и раньше. И постепенно произошло странное. Чем меньше во мне было “монаха”, тем легче со мной начинали разговаривать. Люди не хотели видеть символ. Им был нужен человек. И это открытие оказалось болезненнее, чем я ожидал. Потому что за образом духовного пути я когда-то спрятал простую вещь — необходимость снова быть частью мира, а не наблюдать за ним со стороны. Днём я работал. Вечером сидел у моря. И всё чаще ловил себя на мысли, что покой, который я искал, снова отодвигается, но уже не из-за внешних обстоятельств, а из-за самой жизни. Которая не спрашивает, готов ли ты. Она просто продолжается. И тогда я снова решил уйти от мира. Это решение уже не было ни романтичным, ни духовным скорее усталостью, доведённой до ясной формы. Мне казалось, что если я снова выйду из потока людей, городов и историй, то наконец смогу прийти до тишины, которая не зависит ни от обстоятельств, ни от стран. Я уехал в горы. Там я купил дом с небольшим участком земли. Идея была простой: жить уединённо, производить шоколадные конфеты, работать руками и больше не участвовать в чужих играх. В этом плане было что-то почти детское желание заменить сложный мир на простое ремесло, где всё зависит только от тебя. Первые дни всё действительно выглядело так, будто я наконец нашёл своё место. Горы были тихими.

Воздух чистым. Вечера длинными и спокойными. Но очень быстро выяснилось, что спокойствие снова оказалось иллюзией. Дом, который я купил, находился в зоне заповедника. Более того иностранцам здесь запрещалось владеть землёй, а сам участок формально не входил в территорию поселения. Он был как бы “между” нигде и одновременно везде, с точки зрения закона. И очень скоро ко мне пришли с требованием выселиться. Сначала это были разговоры. Потом официальные уведомления. Потом давление. Я слушал их спокойно. За годы жизни в Азии я научился одному: за словами почти всегда стоит не смысл, а позиция. И тогда я сделал то, что умел лучше всего начал говорить. Не как спорящий человек. А как тот, кто понимает язык системы изнутри. Я объяснял, что земля, находящаяся в границах заповедника, не может одновременно подчиняться и поселковым нормам, и частным административным решениям. Что здесь есть противоречие юрисдикций. Что формально их требование не имеет той силы, на которую они рассчитывают. Я говорил спокойно. Без давления. Без угроз. Просто выстраивал логику. И чем дольше я говорил, тем сильнее менялось их поведение. Я видел, как в их реакции появляется не злость и не упрямство, а сомнение. Не в моей правоте. А в том, стоит ли вообще идти дальше. В конце концов всё закончилось неожиданно тихо. Не было суда. Не было расследований. Не было громких решений. Просто однажды давление исчезло. Как будто эта история сама себя исчерпала, столкнувшись не с сопро-

тивлением, а с ясностью, которую невозможно было обойти привычными способами. Меня оставили в покое. И я снова остался один на этот раз в горах, среди деревьев, где тишина была уже не городской иллюзией, а настоящим состоянием пространства. Но даже здесь я начал понимать: мир не отпускает человека просто так. Он лишь меняет форму, в которой снова и снова возвращает его к самому себе. Я стал монахом. И на этот раз это воспринималось здесь, в горах и небольших общинах, почти нормально. Без восторга, без страха, без лишних вопросов. Я знал язык, знал историю, знал правила жизни и поэтому могли просто принять меня как одного из тех, кто выбрал странный, но понятный путь. Я мог говорить. Мог объяснять. Мог утешить. Иногда даже казалось, что я наконец занял своё место не как символ, не как чужак, а как человек, к которому можно прийти за спокойствием. Но прошлое не умеет исчезать окончательно. Меня нашли туроператоры. Сначала один звонок. Потом второй. Потом предложения, которые звучали почти так же, как раньше: сопровождение, перевод, маршруты, закрытые группы, индивидуальные поездки. В условиях пандемии мир стал другим. Многие боялись выезжать, терялись, не понимали, куда двигаться дальше. И в этой неопределённости гид-полиглот снова стал редкостью. Спрос вырос сам собой. Я не скажу, что я рвался за деньгами. Эта часть жизни больше не имела надо мной той власти, что раньше. Мечта о шоколадных конфетах о маленькой мастерской, где можно было бы просто

работать руками и исчезнуть из больших историй уже была почти на грани срыва, где-то на дальнем фоне, как забытая идея из другой жизни. Я соглашался скорее из инерции, чем из желания. Жить. Двигаться. Быть полезным. Не сопротивляться потоку. И в этом состоянии появилось странное ощущение, которое я долго не мог назвать. Ни счастье. Ни усталость. Ни просветление. Просто ровная внутренняя тишина, в которой не было ни борьбы, ни цели. Жив и ладно. И этого почему-то оказывалось достаточно. Я жил между экскурсиями и монастырями, между разговорами и молчанием, между чужими ожиданиями и собственным отсутствием амбиций. И иногда, глядя на всё это со стороны, мне казалось, что я не выбираю жизнь. Я просто позволяю ей происходить.

Глава 11

И вот я лежал в своей лачуге мокрый, опьянённый ромом, с ощущением странной усталости, которая приходит не от одного дня, а от всей прожитой жизни сразу. Дом, который когда-то казался началом новой главы, снова превратился в недостроенную мечту. Идея шоколада, мастерской, простого ремесла — всё это теперь выглядело почти наивно, как попытка договориться с миром, который никогда ничего не обещает заранее. Я смотрел в потолок и думал: «Это, наверное, и есть моя карма». Не наказание. Не награда. А просто повторяющийся узор попытка уйти от мира и каждый раз обнаруживать, что мир уже внутри меня. Я медленно поднялся. Взял с полки старую книгу француза, которую когда-то

достал из ящика под деревом. Страницы были помяты, местами влажные, как и всё вокруг. Я не искал в ней ответов. Мне нужно было движение. Просто выйти. И я пошёл в горы. Дорога была знакомой и одновременно новой. Горы не менялись, но я менялся внутри каждого шага. С каждым подъёмом шум в голове становился тише, а тело яснее. Я шёл без цели, но с направлением. И в какой-то момент понял, что это и есть единственное, что у меня осталось: не мечта, не план, не роль а сам процесс движения. Я вспоминал всё, что было до этого: монастырь, города, людей, сделки, страх, выборы, попытки спрятаться и попытки вернуться. И всё это постепенно переставало быть историей. Становилось просто облаком памяти. Лёгким, почти прозрачным. Где-то на середине подъёма я остановился. Сел на камень. И впервые за долгое время не стал ничего объяснять себе. Не стал искать смысл. Не стал оправдывать путь. Я просто сидел. Дышал. И слушал горы. И в этой тишине не было ни прошлого, ни будущего. Только то, что остаётся, когда человек перестаёт убегать даже от самого себя. И вот, как будто сама карма решила поставить точку в моей усталой попытке исчезнуть, всё случилось на перевале. Я сидел на камне, когда на узкой горной дороге остановился бусик. Старый двигатель перегрелся и не тянул вверх по склону. Машина дымилась, водитель суетился, кто-то открывал капот, кто-то махал руками, а шумные французы, высыпавшие наружу, сначала разбежались по дороге, словно им дали неожиданную свободу.

Кто-то фотографировал горы. Кто-то ругался. Кто-то смеялся, не понимая, что происходит. Я не вмешивался. Я просто был частью пейзажа неподвижной, тихой, почти лишней фигурой на фоне этой суеты. Прошло около получаса. Машина так и не ожила. И тогда стало ясно: дальше либо ждать, либо идти пешком. А пешком здесь идти было некуда кроме как обратно или вверх, где не было ничего, кроме дороги, перевала и тишины. И в этот момент кто-то заметил меня. Сначала один. Потом второй. Потом вся группа, как будто только сейчас вспомнила, что в мире есть не только техника и паника, но и человек, который просто сидит на камне и не участвует в их хаосе. Они пошли ко мне. Сначала с вопросами. Потом с удивлением. Потом с почти детской надеждой как будто я был частью маршрута, о которой им забыли рассказать. Кто-то протянул шоколад. Кто-то бутылку воды. Кто-то задал вопрос на ломаном английском: *Why are you here?* Я посмотрел на них. На их усталость, растерянность, раздражение, страх и любопытство, смешанные в одном движении группы людей, внезапно лишённых привычного контроля над дорогой. И ответ, который я дал, был не про слова. Я просто пожал плечами. Потому что “почему” давно перестало иметь форму, которую можно объяснить. Они начали задавать новые вопросы. Кто прав. Куда идти. Зачем всё это. Будто дорога, которая сломалась, вдруг превратилась в философский спор. Я слушал их и чувствовал странное спокойствие. Не потому что у меня были ответы. А потому что у

меня их больше не было вообще. И это впервые не создавало внутреннего конфликта. Я поднялся. Посмотрел на перевал. И сказал им просто: Дорога всё равно идёт дальше. Даже если машина нет. Они не поняли. Но замолчали. А потом начали смеяться облегчённо, почти нервно, как люди, которым вернули ощущение, что мир снова можно пережить. И в этот момент я понял, что моя “карма” не пришла ко мне на перевале. Она просто ещё раз показала, что никакого выхода из мира не существует. Есть только разные способы идти по одной и той же дороге. Разговор постепенно затих, но внутри меня осталось странное чувство как будто вся эта случайная встреча была не остановкой, а поворотом. И вдруг я вспомнил о книге. Той самой, французской, которую я таскал с собой уже не первый день. Скорее как символ, чем как чтение. Я достал её из сумки с почти детским трепетом. Впервые за долгое время мне показалось, что она может быть не просто текстом, а чем-то большим. Я показал её Полю. Он действительно оказался самым спокойным и внимательным из всей группы. В отличие от остальных, он не торопился смеяться, не задавал лишних вопросов. Он просто взял книгу в руки. Открыл. Медленно пролистал страницы. Потом ещё раз. И замолчал. Эта пауза длилась дольше, чем весь наш предыдущий разговор. Это не просто книга, наконец сказал он. Я напрягся. Он провёл пальцем по одной из страниц, где среди французского текста были странные пометки, линии, числа то, что я раньше воспринимал как случайные заметки авто-

ра. Это карта, сказал он. Он развернул страницу ко мне. Вот здесь координаты. Вот привязка к местности. А вот это... он постучал по строке, похоже на маршрут. Французы вокруг начали переглядываться. Кто-то попытался заглянуть через плечо. Но я уже перестал слышать их голоса. Потому что он продолжил: Здесь написано... “не лес знает всё, а лес приведёт вас к истине”. Он поднял глаза. Это не философия. Это направление. Я почувствовал, как внутри всё снова сдвинулось едва заметно, но необратимо. Как будто мир, который я только что почти отпустил, снова мягко взял меня за плечо. Ты уверен? спросил я. Пол пожал плечами. Я уверен только в том, что это координаты. Остальное... он усмехнулся, зависит от того, во что ты хочешь верить. Я посмотрел на горы. На дорогу. На людей, которые ещё минуту назад спорили о сломанном автобусе, а теперь внезапно стали участниками чего-то другого. И впервые за долгое время я почувствовал не покой. А движение. Не внешнее. А внутреннее. То самое, которое всегда начинается там, где заканчиваются объяснения.

Глава 12

Неожиданно машина всё-таки завелась. Сначала это было просто глухое урчание, потом уверенный рёв двигателя, и вся группа, ещё секунду назад обсуждавшая смысл жизни и координаты из французской книги, одновременно ожили. Кто-то засмеялся. Кто-то хлопнул в ладоши. Кто-то сказал, что это “добрый знак”. И в этом внезапном облегче-

нии всё напряжение перевалочной дороги растворилось, как будто сама ситуация потеряла свою серьёзность. Я стоял чуть в стороне, всё ещё держа книгу в руках. Поль посмотрел на свой смартфон, быстро сверил координаты, прищурился, потом перевёл взгляд на меня. Он хлопнул меня по плечу легко, по-дружески, как будто мы были знакомы давно. Судя по карте, мой друг, тебе с нами по дороге. Я не успел возразить. Да и, если честно, не хотел. Меня просто буквально втянули в салон без сопротивления, без объяснений, как будто так и должно было быть с самого начала. Дверь захлопнулась. И автобус снова двинулся вверх по серпантину. За окном медленно поползли горы, влажный воздух, туман, и та странная тишина, которая бывает только там, где человек перестаёт понимать, управляет ли он дорогой или дорога управляет им. Я сидел у окна, прижимая к себе французскую книгу. Теперь она уже не выглядела просто текстом. И не просто картой. Она стала чем-то третьим поводом продолжать путь, который, как мне начинало казаться, никогда и не начинался с моего выбора. Поль что-то говорил впереди, французы оживлённо обсуждали маршрут, кто-то снова смеялся, но звук их голосов уходил на задний план. Потому что внутри меня снова появилось то самое ощущение движения. Не географического. А смыслового. Как будто каждый поворот дороги был не просто поворотом в горах, а очередной попыткой мира объяснить мне что-то без слов. И я вдруг понял: всё, что я считал своей жизнью монастырь, города, бегство,

работа, покой это были не остановки. Это были пересадки. А настоящий маршрут, возможно, только начинался сейчас. Автобус поднимался всё выше. Дорога становилась уже, воздух плотнее, а облака начали опускаться так низко, что казалось, мы едем не сквозь горы, а сквозь само небо. Французы постепенно притихли. Шутки стали реже, телефоны ловили сеть всё хуже, и даже Поль время от времени просто смотрел вперёд, будто пытаясь удержать в голове маршрут, который на глазах терял привычную логику. Я же, наоборот, чувствовал странное спокойствие. Не уверенность. И не тревогу. А состояние наблюдения, в котором всё происходящее перестаёт быть случайным, даже если разум не успевает понять почему. Книга лежала у меня на коленях. Я снова открыл её. Те самые страницы с координатами теперь выглядели иначе — не как набор цифр, а как часть ритма дороги. Иногда совпадения становятся слишком плотными, чтобы оставаться совпадениями. Поль наклонился ко мне. Ты всё ещё думаешь, это просто туристическая шутка? спросил он. Я усмехнулся. Я давно перестал думать, что здесь бывает “просто”. Он кивнул, как будто этого ответа ему хватило. Через час автобус остановился. Дорога закончилась. Точнее она превратилась в тропу, дальше которой техника уже не могла идти. Водитель что-то громко объяснил, пассажиры начали выходить, собирая вещи, проверяя рюкзаки, оглядываясь вокруг с тем выражением, которое появляется у людей, когда привычная реальность перестаёт быть полезной. Перед

нами был лес. Плотный, старый, почти неподвижный. Он не выглядел ни красивым, ни опасным. Он выглядел живым по-другому так, будто не реагировал на присутствие человека, потому что никогда и не считал человека частью своей системы координат. Поль снова открыл телефон. Сеть пропала окончательно. Он посмотрел на меня. Здесь начинается пеший маршрут, сказал он. Я закрыл книгу. И впервые за всё время путешествия почувствовал, что она как будто стала легче. Мы пошли первыми. За нами остальные. Лес принял нас без звука. Ни ветра. Ни птиц. Ни привычных лесных шумов, которые обычно дают человеку иллюзию понимания природы. Здесь была другая тишина. Та, в которой даже мысли начинают звучать слишком громко. Через некоторое время Поль остановился. Координаты совпадают, сказал он тихо. Но здесь нет ничего туристического. Я посмотрел вокруг. И вдруг понял, что это и есть самое важное. Потому что “ничего туристического” это единственное состояние, в котором человек перестаёт быть гостем. И становится участником. Мы стояли на границе леса. И дальше каждый шаг уже не был частью маршрута. Он был частью выбора. Я задумался и вдруг понял странную вещь. Французы, это ведь не просто случайные туристы. Это люди из Европы, из мира, где всё давно разложено по системам, языкам, правилам и версиям реальности. Люди, которые, как мне показалось в этот момент, не приняли не столько английский язык, сколько саму идею мира, построенного без их участия. Они всегда

оставались немного в стороне, но при этом были уверены, что именно их взгляд на вещи самый точный. И почему-то именно они сейчас были здесь. И именно им, как ни странно, могла быть нужна эта книга. Я передал её Полю. Он взял её так, будто это не предмет, а ответственность. Вся группа собралась вокруг него, но интерес держался недолго. Страницы, координаты, странные записи всё это быстро перестало быть развлечением. Люди начали расходиться, кто-то ушёл обратно к дороге, кто-то просто сел в стороне, потеряв интерес к поиску смысла, как только он перестал быть лёгким. Но Польш остался. Он вчитывался в каждую строку, сверялся с навигацией, иногда что-то бормотал себе под нос, будто пытался совместить два мира бумажный и цифровой, древний и современный. И затем он уверенно двинулся вглубь леса. Мы пошли за ним. Деревья становились плотнее, воздух тяжелее, и в какой-то момент лес перестал ощущаться как пространство он стал состоянием. И вдруг мы услышали голос. Оля... Короткий, почти случайный крик, как будто кто-то позвал не нас, а саму тишину. Все резко бросились на звук. И там, где мы ожидали увидеть что-то вроде тропы или ориентиров, нас встретило другое. Грот. Небольшое углубление в скале, тёмное, влажное, с неприятными зловонными потёками по камню. Он не выглядел как место, куда приходят скорее как место, откуда что-то уходит и никогда не возвращается. Группа быстро отступила. Слишком быстро. Слишком инстинктивно. Люди разошлись в стороны, будто сама идея

остаться рядом с этим местом была опаснее, чем заблудиться в лесу. Польш стоял чуть дольше остальных. Потом подошёл ко мне и спокойно вернул книгу. Вот финал твоих поисков, сказал он без насмешки, но и без особого сочувствия. Скорее с той холодной ясностью, которая появляется у людей, когда они перестают искать смысл и просто фиксируют результат. Я посмотрел на него. Потом на грот. И сделал шаг вперёд. Внутри было сыро, темно и тихо по-другому не как в лесу, а как в месте, где тишина уже давно никого не ждёт. По стенам висели застывшие капли смолы. Тяжёлый запах давил на сознание, заставляя дышать медленнее. Я опустил взгляд вниз. Дно грота было усыпано этими каплями. И только приглядевшись, я понял, что это не просто смола. За сотни лет они превратились в камешки мутные, неправильные, но всё же янтарь. Не красивый. Не музейный. Но настоящий. Я медленно набрал пригоршню и завернул их в носовой платок. И в этот момент понял странную вещь: всё, что казалось поиском истины, в итоге всегда выглядит не как откровение, а как то, что ты успел собрать в темноте, пока другие уже развернулись и ушли обратно. Снаружи закричали, что автобус ждёт. Я резко вышел из грота и побежал по тропе. Потому что жизнь, как обычно, не спрашивала, закончил ли ты поиск. Она просто продолжала движение. С французами я доехал до города. И никто из них уже не обсуждал карту. В мире одной тайной стало меньше, но оставалась загадочная субстанция, которую ещё предстояло исследовать. Со-

вершив паломничество в святилище Мишон, я поговорил с монахами о гроте и застывшей смоле, но они не знали ответа. Не получив объяснения этой загадке, я вернулся домой .

Глава 13

Дом, милый дом. Только он успокаивал меня и давал уверенность в том, что Земля круглая, а моя вторая жизнь после реинкарнации окажется лучше нынешней. Крыша протекала, её давно следовало перекрыть, но мне было лень. Вместо этого я прилёг на старый матрас, чтобы погрузиться в нирвану и во сне совершить прыжок веры в свою будущую оболочку. Шум дождя по прохудившейся крыше постепенно превратился в колыбельную. Мысли растворялись одна за другой, а сознание медленно скользило за грань сна, туда, где, возможно, уже ждала моя следующая жизнь. Меня снова укрыла Ай. Она часто приходила ко мне и считала чуть ли не святым. Ей было немного за сорок. Детей у неё не было, поэтому муж выгнал её из дома. Теперь она жила у родителей, ухаживала за ними и за рисовым полем, которое кормило всю семью. Меня она тоже подкармливала. Впрочем, и я делился с ней едой, когда мне приносили подношения. Так мы и жили без лишних слов, словно две безмолвные тени, случайно встретившиеся на одном пути. Моё ложе стояло посреди комнаты. Сквозь прохудившуюся крышу дождевые капли просачивались по всему дому, оставляя на полу тёмные пятна. Я лежал, укрытый полиэтиленом, и сквозь мутную плёнку наблюдал, как. Ай прибирается в комнате.

Её силуэт расплывался за тонкой завесой пластика, словно видение из другого мира, а мерный шум дождя постепенно убаюкивал меня. Она перебрала мою котомку. Достав сушёную рыбу, убрала её в ящик, чтобы та не отсырела. Затем вытащила свёрток, развернула его, принялась и, достав один камешек, положила себе в рот. Видимо, не найдя в нём ничего вкусного или полезного, поморщилась, вынула его и вернула обратно. После этого спрятала свёрток в непромокаемый ящик. Моя нирвана позволяла одновременно находиться и в этом мире, и где-то за его пределами, поэтому я внимательно проанализировал увиденное. Ай любопытна и немного чудаковата. Ну как можно сунуть в рот камешек с таким неприятным запахом? Или она всё подряд пробует на вкус? Хотя, если подумать, чего только люди не суют в женский рот... С этой мыслью, я уснул. Но дождь закончился. Капли, которые успокаивали меня и убаюкивали своим ритмом, исчезли. Пришлось встать. Я стряхнул воду со своего непромокаемого одеяла и повесил его сушиться на стену. Сезон дождей был в самом разгаре. Неожиданно мой взгляд зацепился за тело Ай, лежавшее у порога. Я подошёл ближе. Не спит. Коснулся её шеи. Пульс был. И всё же испуг мелкой дрожью пробежал по телу. Подняв её на руки, я отнёс её к кровати. Ай была совершенно безвольной. Когда я опустил её, тело тяжело и бесформенно рухнуло на матрас, словно у неё не осталось ни сил, ни желания сопротивляться собственной слабости. Их полы ее халата выпала её большая грудь. Я уди-

вился как она умудрялась скрывать такое сокровище. Грудь была по крайней мере третьего размера с прекрасным шоколадным соском небольшого размера и что удивительно грудь была белой. Белая кожа редкость для вьетнамок. Развернув халат убедился что белая не только грудь но и все тело женщина было белым. А на лобке вообще не было волос. Приподняв её руку, я с удивлением заметил, что под мышками у неё не было волос. Странно, но тогда я не придал этому особого значения. Когда же я снял с неё шапку, которая, казалось, никогда не покидала её головы, то невольно замер. Она была совершенно лысой. Несколько секунд я просто смотрел на её гладкий череп, не понимая, что и думать. Этот факт озадачил меня. За всё время нашего знакомства я ни разу не видел её без шапки и даже не задумывался, что она может скрывать под ней такую тайну. В голове тут же закружились догадки одна невероятнее другой. Болезнь? Обет? Наказание? Или какая-то история, о которой она предпочитала молчать? Неожиданно я поймал себя на том, что испытываю странное возбуждение не телесное, а скорее возбуждение исследователя, внезапно наткнувшегося на загадку там, где ещё минуту назад всё казалось простым и понятным. Ай, которую я считал прозрачной и предсказуемой, вдруг оказалась человеком с тайной. Моя рука неожиданно коснулась ее груди . Текстура была плотной а кожа гладкой . Живот тоже был твердый со складками мышц . И лобок гладким И пространство между ног гладким и влажным. Сунув палец

ей в промежность обнаружил складчатую структуру и жёсткую мышцу. Я не был импотентом но женщины перестали меня интересовать уже много лет назад. Но тут меня охватил азарт исследователя. Я разделся и лег на нее. Он сам нашел вход и мои бедра сделали произвольные движения . Мне стало приятно и хорошо. А когда волна оргазма накрыла меня я заснул. Проснулся я от нежных поглаживаний ее рук . Подняв голову я поймал ее нежный взгляд без осуждения о происшедшем. Глаза ее смеялись и лицо ее было не таким и страшным. Шрам на щеке чуть прикрытый глаз . Это все последствие ее замужества. Сколько лет она была замужем я не знал но судя по шрамам долго. Она провела рукой по своей голове и улыбнулась . От улыбки она стала красивее и я почувствовал как снова возбуждаюсь. Почувствовала это и она. Ловко подставив свою щелку она обхватила мои бедра руками и стала получать свою долю удовольствия. Я не мешал ей позволяя наслаждаться процессом . Когда она завершила процесс закатывая глаза и морща носик я поцеловал ее в губы . Она ответила просовывая язык мне в рот и щекоча им мое небо. Каждая женщина от природы красива по своему подумал я осматривая ее тело. Ай безропотно позволяла себя рассматривать . Потом встала и достав из ящика варенный рис завернутый в лист начала меня кормить . Наверно в благодарность за секс подумал я или наши отношения перешли на другой уровень. Рис уходил не только в мой рот но и сама она закидывала себе в рот комки риса. Когда он

кончился она помыла руки в бадейке и накинув халат и одев шапку исчезла . Что это было думал я .Видение или может быть я в нирване .

Глава 14

Достав телефон из непромокаемого ящика, я просмотрел пропущенные вызовы. Звонили в основном турагенты, предлагая провести экскурсии. Скоро декабрь не туристический сезон. А те туристы, что всё ещё находились здесь, отличались особой требовательностью. Я набрал номер одного из пропущенных вызовов. Алло. Да, у меня всё хорошо. Завтра две группы? Хорошо, буду к восьми. Ну вот, на завтра у меня появилась работа. Впрочем, работа могла быть у меня каждый день. Только зачем? Деньги мне были не нужны, а общение с напыщенными туристами никогда не доставляло особого удовольствия. Мой взгляд остановился на открытой дверце непромокаемого ящика. Я достал свёрток и развернул его. Один из камешков блестел чуть ярче остальных. Наверное, тот самый, который обсосала Ай. Я отложил его в сторону. Запах был отвратительный смесь кошачьих меток, мышинового помёта и ещё чего-то трудноопределимого. Как она вообще смогла сунуть это в рот? С этой мыслью я сам положил камешек на язык. Вкус оказался странным словно стекло, смешанное с еловой смолой. Я тут же выплюнул находку и прополоскал рот. Но на языке всё равно остался терпкий смолистый привкус. «Значит, это действительно смола», подумал я. Но тогда почему от неё такой отврати-

тельный запах? Но тогда почему от неё такой отвратительный запах? Я снова взял камешек в руки и поднёс его к окну. Серый свет пасмурного дня скользнул по его поверхности. Внутри смолы будто застыла маленькая золотистая искра. Странно. Остальные камни выглядели мутными и безжизненными, а этот словно светился изнутри. Я перебрал весь свёрток. Некоторые кусочки были почти чёрными, другие янтарными, третьи напоминали обычную речную гальку. Все они пахли одинаково мерзко. В памяти всплыли слова монаха из святилища Мишон. Иногда самое ценное пахнет хуже всего. Тогда я решил, что старик просто шутит. Теперь же его слова зазвучали иначе. Позади я услышал шаги. Обернувшись увидел её. Подойдя она взяла у меня из рук мутный янтарь и быстро сунула его в рот. Это что привыкание или её безрассудство. Янтарный камешек с явным звуком катался у неё по зубам. Затем она вынула язык на кончике которого блеснул янтарный камешек. Сняв с её языка красивый камень я положил его на крышку ящика к такому же прозрачному камушку. Но каково же было мое изумление когда увидел голую Ай лежащую на кровати. Я подошёл к кровати. Ай лежала без сознания. Дыхание было ровным, лицо спокойным. Без шапки она выглядела совсем другим человеком. Моложе. Беззащитнее. Будто вместе с волосами исчезла часть её привычного образа. На тумбочке стояла кружка с дождевой водой. Я смочил тряпку и приложил её ко лбу Ай. Никакой реакции. Тогда мой взгляд снова упал на блестя-

щий камешек. Глупая мысль пришла неожиданно. Я положил его на ладонь Ай. Ничего. Уже собираясь убрать его обратно, я заметил, что её пальцы едва заметно дрогнули. Наверное, показалось. Я наклонился ближе. Пальцы дрогнули снова. По спине пробежал холодок. В комнате никого не было. Только я, Ай, шум ветра за стенами и кусочек застывшей смолы, который почему-то казался тёплым, хотя ещё мину-ту назад был совершенно холодным. Я осторожно коснулся его. Тёплым он действительно был. Очень тёплым. Словно несколько секунд пролежал на солнце, которого не было уже много дней. Я резко отдернул руку. Камешек действительно был тёплым. Не горячим, не обжигающим, а именно тёплым словно живым. Несколько секунд я смотрел то на него, то на Ай, пытаюсь найти разумное объяснение происходящему. Разумных объяснений не находилось. Я снова взял камешек и внимательно осмотрел его. Янтарная поверхность казалась мутной, но где-то глубоко внутри угадывались тёмные прожилки и крошечные пузырьки воздуха. Пальцы Ай едва заметно шевельнулись. На этот раз мне не показалось. Я наклонился ближе. Ай? Никакого ответа. Ай, ты меня слышишь? Её веки дрогнули, но глаза так и не открылись. Тогда я осторожно убрал камешек с её ладони. Пальцы сразу обмякли. Снова положил. Через несколько секунд они опять шевельнулись. Да что же это такое... Я сел на край кровати. Дождь давно закончился, но с крыши ещё капало. Где-то под домом квакали лягушки. Мир вокруг жил своей обычной жизнью,

а у меня на ладони лежал кусок смолы, который никак не желал подчиняться законам этого мира. Внезапно я вспомнил грот. Застывшая смола. Странный запах. Монахов, которые не знали ответа. И Поля, который часами изучал карту и записи. Все эти воспоминания неожиданно сложились в одну цепочку. Если эта смола ничего не стоит, зачем кто-то прятал её в глубине джунглей? Если она обычная, почему люди столько лет обходили тот грот стороной? И самое главное откуда она взялась? Я посмотрел на Ай. Её дыхание стало глубже. На щеках появился едва заметный румянец. Казалось, она просто спит. Но что-то подсказывало мне, что это не сон. Мой взгляд снова упал на её гладкую голову. Лысая. Совершенно лысая. Неожиданно я вспомнил, что за всё время знакомства ни разу не видел, чтобы она снимала шапку даже в самую сильную жару. Тогда это казалось одной из её многочисленных странностей. Теперь же странность превратилась в загадку. Я осторожно коснулся её головы. Кожа была гладкой, как отполированный камень. И вдруг под пальцами я почувствовал едва заметную выпуклость. Потом ещё одну. И ещё. Сердце забило быстрее. На ощупь это напоминало небольшие бугорки, спрятанные под кожей. Словно внутри её черепа находилось что-то чужое. Что-то, чего там быть не должно. Я отдернул руку так быстро, словно коснулся раскалённого металла. Несколько секунд сидел неподвижно, пытаюсь понять, не померещилось ли мне. Потом осторожно прикоснулся снова. Бугорки никуда не исчез-

ли. Они располагались не хаотично, а словно образовывали какой-то узор. Кожа над ними была совершенно обычной без шрамов, воспалений и следов травм. Да что с тобой такое, Ай?.. Она не ответила. За окном снова начал накрапывать дождь. Тяжёлые капли застучали по крыше, по листьям бананов и по жестяной бочке возле дома. Я взял со стола фонарик и направил луч на её голову. Ничего необычного. Просто гладкая кожа. Но когда свет скользнул вдоль черепа под острым углом, мне показалось, что под кожей действительно проходят какие-то линии. Словно корни дерева. Или трещины в старом фарфоре. Я моргнул. Линии исчезли. Переутомился, сказал я сам себе. Последние месяцы выдались странными. Грот, смола, бесконечные размышления о реинкарнации, одиночество и сезон дождей могли свести с ума кого угодно. Я выключил фонарик. В этот момент Ай глубоко вздохнула. Настолько глубоко, что я вздрогнул. Её грудь поднялась и медленно опустилась. Потом ещё раз. И ещё. Казалось, она возвращается откуда-то очень издалека. Я уже хотел принести воды, когда заметил движение возле её правой руки. Блестящий камешек лежал на простыне. Я был уверен, что оставил его на ладони Ай. Теперь же он оказался в нескольких сантиметрах от неё. Наверное, скатился. Логичное объяснение. Вот только простыня была совершенно ровной. Я поднял камешек. Тёплый. Снова тёплый. Причём гораздо теплее, чем раньше. Внутри янтарной массы что-то поблёскивало. Я поднёс его ближе к глазам. Ма-

ленькая тёмная точка. Нет. Не точка. Насекомое. Крошечное насекомое, навечно застывшее внутри смолы. Я усмехнулся. Вот и разгадка. Обычный янтарь. Ничего мистического. Никаких древних тайн. Никаких чудес. Но почему-то эта мысль не принесла облегчения. Наоборот. Стало тревожнее. Потому что насекомое внутри янтаря выглядело слишком странно. У него было шесть лапок, как и положено. Были крылья. Было вытянутое тело. Но форма головы казалась удивительно знакомой. Настолько знакомой, что я несколько секунд не мог понять, что именно меня смущает. А потом понял. Голова насекомого удивительно напоминала человеческое лицо. Крошечное, размером с булавочную головку, лицо с закрытыми глазами. Я медленно выдохнул. Нет... этого не может быть. И всё же, сколько бы я ни всматривался, ощущение не исчезало. Словно кто-то или что-то смотрело на меня из глубины застывшей смолы через многие сотни лет.

Глава 15

Ай приходила в себя и первое что она сделала обняла меня и притянула к себе. Наши тела слились как и губы. Она тяжело дышала мне в ухо и стонала от наслаждения. А потом обмякло получив удовольствие. Я так и остался лежать на ней. Было тепло и уютно. Проснулся утром. Она не спала. Посмотрев на ее ясную улыбку я удивился как она вынесла мое тело всю ночь. Но луч солнца привел меня к реальности. Наступило утро, и я привёл себя в порядок. Туроператоры требовали от гидов представительного вида, по-

этому пришлось соответствовать. Когда я уже собрался уходить, Ай неожиданно поймала меня за руку и сунула мне в рот комочек сладкого риса. Я даже не успел ничего сказать. Она лишь молча посмотрела на меня и отвернулась. Пожав плечами, я вышел из дома и направился к остановке. На первом автобусе добрался до Нячанга. Возле заправки меня уже ждал экскурсионный автобус. Привет, Чен. Привет. С водителем Ченом мы были знакомы давно и провели вместе не один десяток экскурсий. Он был из тех людей, с которыми можно целый день молчать и всё равно понимать друг друга. Собрав туристов по гостиницам, мы отправились по намеченному маршруту. Экскурсия была простой всего два храма. Я рассказывал об истории их возникновения, о правителях, войнах, религии и событиях, которые когда-то считались важными, а теперь превратились в строчки туристических буклетов. Туристы слушали вполуха, время от времени фотографируя всё подряд от древних статуй до бездомных собак. Настоящая часть экскурсии начиналась позже. Обязательным пунктом программы была фабрика кофе. Туда привозили все группы без исключения. Под видом древних рецептов, уникальных технологий и непревзойдённых целебных свойств туристам продавали порошки, мази, настойки и прочие чудеса местной коммерции. Меня в этот процесс старались не вовлекать. На фабрике работали собственные менеджеры профессионалы своего дела. Они считали меня чудачком, потому что я никогда ничего не рекламировал и

не убеждал людей покупать то, что сам покупать бы не стал. Я тоже считал их чудаками. Наверное, поэтому мы прекрасно ладили. Пока туристы опустошали кошельки, я устроился в тени возле склада, достал телефон и неожиданно вспомнил о блестящем камешке, оставленном дома рядом с кроватью Ай. Странно. За всю экскурсию я вспомнил о нём уже несколько раз. Словно какая-то часть меня осталась там, в доме, рядом с лысой женщиной и куском дурно пахнущей смолы. Когда туристам впихнули всё, что только можно было продать, и они разбрелись по залу с пакетами покупок, им выдали нового гида девушку Таню из Омска. А мне поручили сопровождать смешанную группу европейцев. Когда автобус тронулся, выяснилось, что это французы и немцы. Пришлось снова повторять экскурсионную программу уже на двух языках, то добавляя шутки, то вставляя песни, чтобы хоть как-то удерживать их внимание. Туристы, впрочем, остались довольны. В конце поездки они оставили сто пятьдесят евро чаевых. Я спокойно положил деньги в карман, дождался автобуса и поехал в хостел. Следующая экскурсия начиналась рано утром, поэтому ночевать пришлось в Нячанге. Хостел оплачивала туркомпания. Так прошло три дня, потом ещё три и время перестало ощущаться как что-то отдельное. Группы шли одна за другой, почти без пауз. Смешанные составы туристов требовали постоянной импровизации, а русские гиды, как правило, не могли на должном уровне вести такие экскурсии. Поэтому меня продолжали ставить

на маршруты снова и снова. Я начал замечать, что города перестают запоминаться. Храмы смешивались между собой, даты растворялись, а лица туристов становились похожими друг на друга. Единственное, что оставалось стабильным, это дорога между автобусом и хостелом. И где-то на фоне этого повторяющегося цикла всё чаще всплывал один и тот же образ: тёмная комната, дождь по крыше и Ай, неподвижно лежащая под тонкой завесой воспоминаний, как будто она тоже стала частью бесконечного маршрута, только уже не туристического. Поток туристов наконец иссяк, и меня отпустили. Я вернулся на автобусе домой. Проходя по поселку, я ловил приветствия местных жителей. Здесь не считалось чем-то зазорным, что монах ездит в город и ходит в одежде мирянина это была просто карма, которую каждый несёт сам. Войдя в дом, я увидел Ай. Она, заметив меня, бросилась мне на шею. Да, подумал я, наши отношения действительно перешли на другой уровень. И вдруг она сняла шапку и широко улыбнулась. Я замер. Её лысина была не лысиной. Кожу её головы покрывал короткий, жёсткий щетинистый волос, как у недавно побритого человека, но растущий неравномерно, словно что-то внутри пыталось прорваться наружу. Я медленно провёл взглядом по её голове снова. Это уже не выглядело как отсутствие волос. Это выглядело как процесс. Как рост. Как возвращение чего-то, что раньше было скрыто. Ай всё так же улыбалась, она тоже чувствовала изменения произошедшие в ее организме. Волосы только на голове

подумал я и сунул руку ей ниже живота. И там была колючая поросль. Ай это восприняла по своему и обняв поцеловала меня в губы. И мы оказались в постели. Скрип дерева и ее нежный стон прямо мне в ухо. Мне с тобой хорошо услышал впервые я ее голос,

Глава 16

Я посмотрел в её счастливые глаза. Несмотря на шрам на щеке, я уже считал её красивой. Поймав мой взгляд, она тихо спросила: Я сильно страшная? Я улыбнулся. Она сразу поняла ответ по моей улыбке и слегка покраснела. Поставив чайник, она засуетилась с ужином. Ты так долго отсутствовал, произнесла она мягким голосом. И мне было странно слышать её голос. Раньше она всегда молчала. Да, была работа, ответил я. А завтра ты поедешь? спросила она. Нет, завтра выходной. Я помолчал и, глядя на неё, спросил: Ты лизала эти камни? Она вздрогнула. Нет, испуганно заявила она. Я без тебя твои вещи не трогаю. И посмотрела мне прямо в глаза. В этот момент внутри у меня всё сжалось. Значит, она либо врёт, либо... Я снова вспомнил грот. Смолу. Странный запах. Насекомое с человеческим лицом внутри янтаря. Её изменившуюся голову. И этот непонятный процесс, который теперь уже невозможно было игнорировать. «Это что... подумал я. Она дважды коснулась камня из грота, и у неё начали расти волосы?» Это не могло быть просто лекарством. Но и чудом назвать это было слишком просто. Я смотрел на неё, как на вопрос без ответа. Открыть миру па-

нацею? Или скрыть и пользоваться самому? Впервые за долгое время я понял, что это уже не про любопытство. Это про выбор, после которого назад не возвращаются. Я внимательно посмотрел на неё, стараясь понять, не шутит ли она. Ай сидела рядом и спокойно кормила меня рисом с рук, будто в этом не было ничего необычного. Иногда она отправляла по зёрнышку себе в рот, как будто проверяя, что всё в порядке в мире. Это проклятие американцев, сказала она с тихой обидой. Я приподнял бровь. Моя мама, когда была беременна, попала под «красный дождь», продолжила она. Я родилась белой, и у меня не росли волосы. А потом... как выяснилось, у меня нет детей. А доктор сказал что у меня рак крови. Она сказала это так просто, будто речь шла о погоде. Я замер. Слова «красный дождь» зацепились в сознании. Я слышал о таких историях слухи, рассказы, полумифические упоминания о странных осадках, после которых люди болели, животные погибали, а дети рождались «другими». Но я никогда не думал, что услышу это от человека, сидящего у меня на кухне и кормящего меня рисом. Я посмотрел на её руки. Обычные руки. Тёплые. Живые. Ты уверена? спросил я тихо. Она пожала плечами. Так говорили. Я отвёл взгляд в сторону окна. Снаружи всё было как обычно: влажный воздух, серое небо, сезон дождей, который, казалось, никогда не закончится. Но в голове всё уже сместилось. Если это правда... Тогда смола из грота, её влияние, её тело, её волосы всё это не случайность. Я снова посмотрел на неё. Ай улыбалась.

И в этой улыбке не было ни страха, ни сомнений. Только спокойствие человека, который давно принял свою историю и больше не спорит с миром. Мне доктор сказал, что я умру в этом году, спокойно произнесла Ай, будто говорила о чём-то давно прошедшем. Он даже удивился, что я до сих пор жива. Она посмотрела на меня. А как ты себя чувствуешь? спросил я. Ай на мгновение задумалась, словно прислушиваясь к собственному телу. Меня мучили боли в суставах и была постоянная жажда, сказала она. Но после того, как ты принял меня к себе... я возродилась. Мне стало хорошо. Я почувствовала себя заново рождённой. Она говорила это тихо, но уверенно. Ты дал мне новую жизнь. Ты стал просвещённым монахом и уже можешь даровать людям здоровье. Она смотрела на меня так, будто я действительно был чем-то большим, чем есть на самом деле. А мне стало неловко. Потому что я не был лекарем. Я просто однажды прочитал чужую тетрадь и нашёл странные камни в гроте. И всё, что происходило сейчас, казалось мне цепью случайностей, которые кто-то по ошибке принял за чудо. Я отвёл взгляд. Что делать дальше, я не знал. Поэтому молча накинул оранжевую хламиду и вышел из дома. Мне нужно было в монастырь. Искать ответ. Дорога к монастырю тянулась вдоль влажных рисовых полей. Воздух был тяжёлым, насыщенным запахом земли и прелых листьев. Сезон дождей снова набирал силу небо висело низко, будто кто-то прижал его к вершинам пальм. Я шёл быстро, почти не замечая дороги. В голове снова и снова

прокручивались слова Ай: «ты даруешь здоровье», «ты просвещённый монах». Это звучало как ошибка. Как недоразумение, которое почему-то стало частью реальности. Я никогда не исцелял людей. Я просто жил здесь, принимал подношения, водил туристов и однажды полез туда, куда не следовало. Монастырь показался из тумана внезапно тёмные стены, мокрый камень, золотистые флаги, тяжело обвисшие от дождя. Внутри было тихо, как будто само пространство замедляло дыхание. Монах у ворот узнал меня и молча пропустил внутрь. Я прошёл во внутренний двор и остановился. Старший настоятель сидел под навесом. Он не поднял головы сразу, словно уже знал, зачем я пришёл. Ты снова пришёл с вопросом, сказал он спокойно. Я сел напротив. Это не вопрос, ответил я. Это... ошибка. Он медленно поднял взгляд. Ошибок в пути нет. Есть только то, что человек не готов понять. Я сжал пальцы. Женщина. Камни из грота. Её тело меняется. Она говорит, что я исцеляю людей. Но я ничего не делаю. Настоятель долго молчал. Потом тихо произнёс: Иногда человек становится проводником, не понимая этого. Я усмехнулся. Проводником чего? Он посмотрел на меня так, будто выбирал слова очень осторожно. Того, что было спрятано. В этот момент за стеной храма ударил гром. И впервые за всё время мне показалось, что этот звук был не снаружи. А где-то внутри меня.

Глава 17

Я замер, прислушиваясь к тишине после грома. Настоя-

тель не сводил с меня взгляда, будто ждал, пока внутри меня что-то окончательно сложится или сломается. Что было спрятано? переспросил я тихо. Он не ответил сразу. Лишь поднялся, взял с полки старую деревянную шкатулку и поставил её между нами. Шкатулка была тёмной, почти чёрной от времени. На крышке вырезанный знак, похожий одновременно на корень дерева и трещину в камне. Это упоминалось в старых записях, сказал он. До того, как монастырь стал монастырём. Он открыл крышку. Внутри лежал такой же камень, как у меня. Тот самый янтарный, с застывшей глубиной внутри. Я почувствовал, как холод пробежал по спине. У нас был свой грот, продолжил он. Мы называли его «местом памяти». Там находили смолу. Но никто не понимал, что это. Я наклонился ближе. Камень внутри шкатулки слабо светился. Очень слабо, но это было то же самое ощущение, что и в доме Ай. Почему вы его спрятали? спросил я. Настоятель медленно закрыл крышку. Потому что всё, что с ним связано, начинает менять человека быстрее, чем он готов измениться. Я сглотнул. Она... Ай... она говорит, что я исцелил её. Настоятель кивнул, но в этом кивке не было согласия только признание факта. Ты не исцеляешь, сказал он. Ты усиливаешь то, что уже происходит. Я почувствовал, как слова тяжелеют внутри груди. И что происходит с ней? Он посмотрел на меня долго. Она не больна, ответил он. Она... возвращается. За стенами монастыря снова начал усиливаться дождь. И в этот момент мне впервые стало страшно не за

неё. А за то, что это может означать для меня. Слова настоятеля поразили меня, но вопросы остались. Я шёл по дороге, промокший до нитки, и почти не чувствовал этого. Ночь уже спустилась на джунгли, но я продолжал брести к дому. Усталости не было. Я словно вошёл в состояние нирваны. «Могу ли я уснуть и продолжать идти по маршруту?» думал я. Закрыв глаза, я попытался «открыть третий глаз», как учили в монастыре. Но удар головой о дерево резко вернул меня в реальность. Я стоял весь в грязи, с шишкой на лбу. И всё же продолжил путь. Значит, я ещё недостоин, подумал я, снова погружаясь в нирвану, но уже не закрывая глаз. Рассвет я встретил на подходе к своей деревне. Люди, словно почувствовав моё «просветление», стояли вдоль дороги и делали подношения. Моя котомка быстро наполнилась, и в какой-то момент я уже нёс в корзине гуся, который недовольно гоготал и пытался вырваться. Дом встретил меня тишиной. Ай стояла у порога. Она молча забрала продукты, вымыла мне ноги и уложила на кровать. Тебя не было пять дней, сказала она спокойно, но в голосе чувствовалась тревога. И тут же добавила: Приезжал доктор. Взял анализ крови и удивился, что у меня растут волосы. Обещал сегодня приехать. В больницу я ехать отказалась. Я хотел что-то ответить, но тело уже не слушалось. Я лёг и закрыл глаза. Я посплю немного, прошептал я. И снова ушёл туда, где не было ни дорог, ни тел, ни времени только мысль о прыжке веры и попытке понять, что делать дальше. Сон начался не как сон, а как падение. Не

вниз и не вверх скорее внутрь, туда, где мысли теряют форму и становятся чем-то плотным, почти осязаемым. Я снова оказался в том же пространстве, которое уже не раз принимал за нирвану. Но в этот раз оно выглядело иначе. Слишком ясным. Слишком трезвым. Передо мной стояла Ай. Но не та Ай, что кормила меня рисом и молчала неделями. И не та, что улыбалась, сняв шапку. Эта Ай была... цельной. Как будто в ней больше не было трещины между телом и смыслом. Ты всё ещё ищешь, сказала она. Голос её звучал спокойно, но не человечески ровно. В нём было что-то древнее, как у воды, которая течёт сквозь камень. Я ищу ответ, сказал я. Ответ уже внутри процесса, ответила она. Я хотел возразить, но заметил странное. Её волосы. Они не просто росли. Они двигались. словно под кожей головы что-то медленно расплеталось и выходило наружу, как корни, которые долго были заперты в камне. Я сделал шаг назад. Что ты такое? спросил я. Ай слегка наклонила голову. А ты? И в этот момент пространство дрогнуло. словно кто-то коснулся его изнутри. Я увидел грот. Не как воспоминание, а как место, в котором всё ещё нахожусь. Застывшая смола. Камни. Тьма. И фигуры не людей, не животных, а чего-то промежуточного, застывшего в моменте перехода. Голос настоятеля прозвучал где-то далеко: Ты не исцеляешь. Ты усиливаешь. Но теперь это звучало иначе. Не как предупреждение. А как описание функции. Я посмотрел на свои руки. И впервые заметил, что на коже проступают те же едва заметные линии, что я когда-то

видел на голове Ай. Нет... прошептал я. Это её болезнь. Ай улыбнулась. Это не болезнь. Тогда что? Она подошла ближе. И мир вокруг нас стал похож на стекло, в котором появилась трещина. Это форма, которая ищет, кем стать дальше, сказала она. И в этот момент я понял, что «прыжок веры» это, не переход в другое пространство. А момент, когда уже нельзя вернуться в прежнее. Когда мои глаза открылись, я почувствовал рядом тело Ай. Она лежала рядом и спокойно спала. Я осторожно встал, боясь разбудить её, и подошёл к непромокаемому ящику. Достав свёрток, я развернул его и в предрассветном свете взгляделся в тёмные камни. Среди них я нашёл два светлых камушка тех самых, что побывали во рту Ай. Я взял один и опустил его в бутылку рома. Камень исчез в жидкости, будто растворился без следа. Я взболтал бутылку. Послышался глухой стук значит, он там был, но уже не просматривался. Я замер. Вспомнил, что тоже пробовал этот камень на вкус. Что он сделал со мной? Было ли воздействие? Или оно проявляется иначе? «Необходимы исследования и опыты», подумал я. С этой мыслью я спрятал бутылку обратно в ящик и закрыл крышку. Солнечные лучи попытались пробиться сквозь плотную тучу на горизонте, но исчезли в серой дымке, словно мир на мгновение передумал просыпаться.

Глава 18

Я обернулся. Ай уже не спала. Она наблюдала за мной с лёгкой улыбкой, будто всё происходящее было ей давно из-

вестно. Я замер на секунду, не зная, видела ли она то, что я делал. Её взгляд был спокойным, почти мягким, но в нём не было сонной рассеянности. Она явно была здесь и сейчас. Ты давно проснулась? спросил я осторожно. Ай чуть наклонила голову. Достаточно давно. Простынь сползла с ее тело представив на обозрение ее белоснежное тело. Ноги ее раздвинулись и она улыбнулась приглашая меня к своему телу. Грех было не воспользоваться . Ее шикарные груди колыхались от моих движений а ее бедра производили невероятные движения от которых подкатывало к горлу и кружилась голова .У меня давно не было женщины и я хотел ее. Наверное это и есть воздействие на меня этого камня . Я продержал его во рту секунду и такой эффект . Я сам себя убеждал что я не импотент. Но у меня пять лет не было женщины . Хотя я работал в сфере туризма. В той отрасли где половые связи регулярна как рейсовый автобус. Постоянный стресс гостиницы и изолированность от дома делает девушек гидов податливыми и происходит постоянная Санта Барбара которая не осуждается коллегами. Она поднялась с постели, накинула одежду и, как ни в чём не бывало, подошла ближе. Движения у неё стали увереннее, чем раньше, словно тело больше не сопротивлялось ей. Я невольно посмотрел на её голову. Щетина волос стала гуще. Уже не редкие точки, а плотный, живой покров, будто кто-то медленно переписывал её прежнюю форму. Ай заметила мой взгляд и улыбнулась. Они растут быстрее, когда ты рядом. Я не сразу понял, что

она имеет в виду. Это не я, сказал я. Я просто... Я осёкся. «Просто что? Нашёл камни в гроте? Прочитал чужую тетрадь? Лизнул смолу и не умер?» Ай подошла к ящику. Я напрягся. Она не открывала его. Просто стояла рядом, будто чувствовала содержимое через дерево. Ты начал делать опыты, сказала она спокойно. Это не был вопрос. Я медленно кивнул. Мне нужно понять, что это. Ай повернулась ко мне. И впервые в её взгляде появилась тень сомнения. А если понимание и есть то, что всё разрушит? Я хотел ответить, но в этот момент где-то в доме тихо щёлкнуло. Слишком тихо, чтобы быть звуком мебели. Слишком точно, чтобы быть случайностью. Мы оба посмотрели в сторону ящика. Изнутри не было ни света, ни движения. Но на секунду мне показалось, что бутылка с ромом... стала тяжелее. Как будто в ней появилось нечто большее, чем просто камень. Я медленно подошёл к ящику. Каждый шаг отдавался в голове слишком громко, будто дом стал пустой раковиной, усиливающей любые звуки. Ай не двигалась, но я чувствовал её взгляд у себя за спиной. Я открыл крышку. Внутри всё выглядело обычно: свёрток, камни, бутылка рома. Но ощущение «обычного» уже не работало. Я взял бутылку. Она действительно стала тяжелее. Не сильно так, будто внутри добавили плотность, а не массу. Я поднял её к свету. Жидкость внутри была тёмной и спокойной. Камень не просматривался вовсе, словно растворился без следа. Но теперь я уже знал, что это ничего не значит. Ты видишь? тихо спросил я, не оборачиваясь.

Ай подошла ближе. Я вижу тебя, ответила она. Я нахмурился. Это не ответ. Это единственный ответ, который сейчас имеет смысл, спокойно сказала она. Я резко взболтал бутылку. Ничего. Ни звука, ни движения, ни знакомого каменного удара. Только странная, вязкая тишина внутри стекла. Я открыл пробку. Запах вырвался наружу мгновенно. Но это был уже не тот запах гнили и звериных следов, который я помнил. Теперь он стал тоньше. Почти сладким. И в этом сладком запахе я вдруг уловил что-то знакомое. Дождь. Грот. И... дыхание. Я застыл. Ай... начал я. Но она перебила меня. Ты думаешь, что ты исследователь, сказала она. Но ты давно уже часть духовного мира ты просветленный. Я медленно опустил бутылку. И впервые за всё время мне стало по-настоящему не по себе не из-за смолы. А из-за того, что я не мог вспомнить, с какого момента моя жизнь перестала быть моей. Ты просветлённый, произнесла Ай. Ты возрождаешь жизнь. Ты стал святым. Я подошёл к ней и обнял её. Это не так, сказал я, вспоминая, как ударился лбом о дерево в надежде открыть третий глаз. Для меня ты святой, тихо ответила она. Я на мгновение замолчал. Для тебя да, согласился я. В этот момент зазвонил телефон. Я вытащил его со дна непромокаемого ящика. Звонил туроператор «Глобуса» они редко выходили на связь, поэтому я сразу ответил. Алло. Да. Серьёзный клиент? Хорошо. Высылаете машину? Хорошо. Я отключился. Без лишних вопросов. Жизнь снова требовала движения, и в этом было что-то привычно-спокой-

ное, почти спасительное. Я быстро оделся, проверил ящик и, не раздумывая, прихватил с собой бутылку рома. Ай молча наблюдала за мной. В её взгляде не было удивления только ожидание, будто она уже знала, что я сейчас уйду. Через несколько минут у дома уже стояла машина. Я сел внутрь. Двигатель завёлся. И пока машина трогалась с места, я вдруг поймал себя на мысли, что оставляю позади не просто дом. А нечто, что уже начало менять форму моей жизни быстрее, чем я успевал это осознать. В руках у меня была бутылка и вопрос. Для чего я ее взял. Уберечь ее от Ай нет это безумие. Провести эксперимент. Да Опыт сын ошибок трудных.

Глава 19

На поверку оказалось, что эта группа американцы. Я рассказывал историю Вьетнама, привычно выстраивая факты и даты, но в какой-то момент мой взгляд зацепился за старого мужчину. Его лицо было покрыто пигментными пятнами, как старой картой времени, где каждая точка отдельное воспоминание. В его глазах я увидел не просто внимание. Там был ужас. Такой, будто он снова возвращался туда, где однажды уже был к местам своей былой «славы», которую язык не поворачивался назвать славой. Я читал это по его взгляду, когда он вглядывался в лица старых вьетнамцев, встречавшихся нам по пути. В его глазах смешивались стыд и боль за содеянное. Он держался особняком, не задавал вопросов, почти не вступал в разговоры. Но слушал. Внимательно. И почему-то пользовался уважением группы,

хотя никто не мог объяснить, почему именно. Не знаю, почему, но в какой-то момент я сам не заметил, как вошёл в торговый зал финальный пункт экскурсии. Я не любил это место. Коммерческое пространство, наполненное обещаниями, которые никто не собирался проверять. Здесь продавали не товары здесь продавали надежду, упакованную в красивые коробки. Гидам не только разрешалось сидеть за общим столом с туристами это даже поощрялось, особенно если гид помогал «мягко направить» людей к покупкам. Я сел вместе с ними. Передо мной в пакете лежала бутылка рома. И вдруг меня накрыло сомнение. А что если опыт окажется фатальным? Кто я такой, чтобы проводить эксперименты над людьми? Туристы начали расходиться кто к кассе, кто с сомнением отходил в сторону, не веря в «чудодейственные средства», но всё же позволяя себя увлечь процессом. И в этот момент я понял, что уже не наблюдаю. Я сижу за столом. И старый американец смотрит прямо на меня. Слишком внимательно. Так, будто он узнал во мне не гида. А что-то другое. Молодой человек, мне понравилось ваше видение истории во Вьетнаме подача у вас изумительная. Я нанимаю вас на четыре дня, будете меня сопровождать, произнёс он тоном, не допускающим возражений. К нему подошла девушка. Сенатор, вы поедете в отель? спросила она. Он, не оборачиваясь, бросил: Найми этого человека на все оставшиеся дни. Хорошо, ответила она мягко, но уверенно, и, уставившись на меня своими красивыми голубыми глаза-

ми, спросила: Какую компанию вы представляете? Никакую, ответил я. Моя экскурсия с «Глобусом» закончилась, я свободен от обязательств. Она внимательно осмотрела меня и, чуть приблизившись, сказала: Тысяча долларов в сутки. Вас устроит? Я сглотнул. Я не был падок на деньги, но сумма, которую она произнесла так спокойно, показалась внушительной. В сутки? переспросил я. Да, строго ответила она. Пауза повисла на секунду. Сенатор может проснуться ночью. Где мы вас будем искать? добавила она. Хорошо, согласился я. Вы наняты, отрезала она. Я перевёл взгляд на улыбающегося сенатора. Она такая, с гордостью произнёс он. Я помог ему сесть в машину, и мы поехали в отель Hyatt. Я помог сенатору устроиться на заднем сиденье автомобиля, придерживая его за локоть он был уже в том возрасте, когда резкие движения выдавали усталость, но в голосе всё ещё слышалась привычка командовать. Машина мягко тронулась с места и скользнула в поток вьетнамского вечера влажного, густого, наполненного запахами уличной еды, выхлопов и чего-то сладкого, почти тропического. Сенатор откинулся на сиденье и, как будто не замечая меня, смотрел в окно. Знаешь, сказал он вдруг, не поворачивая головы, в этих местах я был молод. Очень молод. Тогда всё казалось проще. Я не ответил. В таких разговорах молчание обычно работало лучше любых слов. Девушка, которая подошла ко мне несколько минут назад, сидела напротив, ровная, собранная, с тем самым деловым спокойствием, которое не оставляло места

сомнениям. Она держала телефон в руках, но не смотрела в него словно уже всё было просчитано и зафиксировано. Ваши обязанности, произнесла она, простые. Сопровождение. Переводы. Контроль маршрута. Иногда присутствие рядом. Я не телохранитель, сказал я осторожно. Вам и не нужно им быть, ответила она спокойно. Сенатору нужен свидетель, а не охрана. Это слово *свидетель* прозвучало странно. Почти тяжелее, чем «телохранитель». Мы выехали на широкую улицу, где огни города отражались в мокром асфальте. Где-то вдали гудел мотоциклетный поток, как единый живой организм. Отель Нуатт, произнёс водитель, будто подтверждая маршрут самому себе. Сенатор слегка усмехнулся. Хорошее место, сказал он. Я останавливался там, когда ещё верил, что политика может быть честной. Девушка впервые позволила себе лёгкую улыбку почти незаметную, но точную. Политика не изменилась, сенатор. Просто вы стали старше. Он на это не ответил. А я вдруг почувствовал, что эти четыре дня будут совсем не экскурсионными. Когда мы поднялись в номер, мне показали комнату рядом со спальней сенатора. Пространство было разделено почти формально тонкая граница между «работой» и «личным», как это часто бывает у людей его уровня. Девушка налила всем виски. Меня зовут Бритни, сказала она. Мы чокнулись. Ей кто-то позволил, она взглянула на экран, поставила стакан на стол и вышла в соседнюю комнату. Сенатор поднялся следом, бросив короткий взгляд в её сторону. Я остался один на мгновение,

глядя на три стакана, стоявших на столе, как будто в них уже был прописан дальнейший ход вечера. Спонтанно, почти на автомате, я долил в их виски ром из своей бутылки и быстро убрал её под стол. Сердце билось слишком громко так, будто пыталось выдать меня раньше времени. Через несколько минут они вернулись. Сели так, как будто ничего не изменилось, и взяли свои бокалы. За сотрудничество, произнесла она и сделала глоток. Я наблюдал, как стакан отрывается от её алых губ, не оставляя следа на стекле. Сенатор тоже сделал глоток, поставил стакан и тяжело выдохнул. Ну что ж, Рома, сказал он давайте обсудим наш план на четыре дня. Он не договорил. Его голова слегка кивнула вперёд, брови нахмурились, и он резко провалился в сон. Бритни тоже опустилась в кресло и мгновенно уснула, будто кто-то выключил в ней питание. Тишина стала плотной. Я стоял неподвижно, не сразу понимая, что произошло. Что я наделал... пронеслось в голове. Я шагнул к столу, взял их стаканы, уже собираясь вылить содержимое в раковину, но остановился. Жалость к напитку оказалась странно сильнее здравого смысла. Я перелил всё обратно в свою бутылку с ромом и спрятал её. Постепенно дыхание выровнялось. Я нащупал пульс ровный. В комнате стояла абсолютная тишина, только кондиционер тихо гнал холодный воздух. Я сел на край кресла. Пока всё шло по плану. Значит, волноваться было рано. Убрав пакет с ромом в свою спальню я вернулся и осмотрел их. сон спокойный ровный а Бритни изумительна. Желание накры-

ло меня и я расстегнул ей блузку выкатив ее шары третьего размера. Везет мне на третий подумал я и присосался к ее розовому соску. Не зачем жалеть о содеянном подумал я задирая ей ноги. Наполнив ее киску спермой я опустил ее ноги и отдышался. Это тебе за надменность произнес я смотря на беззащитную девушку. Вытерев следы своего бесчинства я усадил ее поудобнее и привел в порядок. Прикинув что старик легче унес его на кровать.

Глава 20

Бритни проснулась легко, почти без усилия так, будто сон был не глубже дремоты. Она села в кровати, несколько секунд неподвижно смотрела в полутёмную комнату, затем перевела взгляд на стол, где оставался недопитый виски. Она взяла бокал, сделала небольшой глоток и медленно осмотрелась. Сквозь шторы пробивался холодный лунный свет, ложась на стены тонкими полосами. Не говоря ни слова, она поднялась, прошла в свою спальню и, не включая свет, раздевшись, снова легла так естественно, будто всё происходящее было частью заранее известного распорядка. Через несколько мгновений её дыхание снова стало ровным. Мой план, как ни странно, сработал: она уснула. Я вышел в гостиную и включил телевизор просто чтобы заполнить тишину. Экран ожил, бросая на стены мерцающий свет. Сенатор по-прежнему спал. Я подошёл ближе, проверил пульс ровный, устойчивый. Всё было в пределах нормы. Вернувшись к столу, я снова взялся за бутылки и перелил оставшийся

виски обратно в бутылку с ромом, стараясь не пролить ни капли. Бритни спала спокойно, будто ничего не произошло ровно и глубоко, как человек, который умеет выключаться по собственному желанию или по чужой команде. Сенатор тоже не подавал признаков бодрствования: дыхание ровное, тяжелое, лицо расслаблено до почти детской беспомощности. Я стоял в гостиной, не двигаясь, прислушиваясь к звукам отеля. За стенами приглушённый гул города, где-то внизу лифт, редкие шаги в коридоре. Всё выглядело слишком нормальным для того, что происходило внутри этой комнаты. Телевизор я включил скорее ради шума, чем из интереса. На экране мелькали кадры новостей лица, карты, незнакомые города. Я не вслушивался. В голове крутилась одна и та же мысль: *слишком легко они отключились*. Я подошёл ближе к сенатору, проверил дыхание ещё раз живой, но глубоко «проваленный» в сон. Бритни тоже не двигалась. Ситуация выглядела одновременно спокойной и неправильной, как идеально выставленная сцена, в которой забыли объяснить сюжет. Я вернулся к столу, посмотрел на бокалы, на бутылки. Всё стояло на своих местах, кроме того, что доверие в этой комнате уже явно перестало быть частью уравнения. В коридоре слышался короткий звук будто кто-то остановился у двери. Я замер. Пауза длилась секунду, может две. Потом шаги удалились. Я медленно выдохнул, только сейчас понимая, что всё это время стоял слишком напряжённо. Подойдя к окну, я чуть отодвинул штору. Внизу ночной

Ханой или Сайгон жил своей обычной жизнью мотоциклы, свет, движение, люди, которые не знали и не хотели знать, что происходит на верхних этажах Hyatt. Я снова посмотрел на комнату. Четыре дня, сказал он. Но теперь было неясно, кто здесь вообще управляет временем. Кто чем руководит. Но это была моя лаборатория и я в ней главный. Пройдя к ней в спальню обнаружил дверь. Дёрнул ее закрыта повернул защелку открылась заглянув увидел свою спальню. Прошел и закрыл дверь своей и ее дверей. Откинув простынь увидел обнаженную фигуру молодой девушки. А ты шалунишка подумал я ложась рядом. Тело ее было молодо и прекрасно. Я легко овладел им стараясь не оставлять синяков. Не торопясь я наслаждался беспомощным телом и пошел к себе. Ночь прошла спокойно. Я выспался впервые за всё время без ощущения тревожного полусна, когда тело отдыхает, а голова остаётся на дежурстве. Под утро я услышал шаги через дверь. Сначала тихие, осторожные, но уверенные. Я приподнялся, прислушался и почти сразу понял это сенатор. Я открыл дверь и увидел старика уже собранным, будто он не спал вовсе или проснулся задолго до меня. Он стоял у выхода, поправляя одежду, готовый уйти. Я не стал его окликать. Просто замер в тени и дождался, пока он выйдет. Дверь закрылась мягко. Я подошёл к окну и отодвинул штору. Сенатор пересёк дорогу перед отелем медленно, но уверенно, как человек, у которого есть цель, понятная только ему. Затем он направился в сторону пляжа, где утренний свет уже начинал

растворять темноту в сером, влажном воздухе. Я наблюдал, как его фигура постепенно становится меньше на фоне линии моря. Отойдя от окна я прошел в свою спальню потом к ней. Какое время действует мое снадобье я не знал . Но похоть проснувшееся во мне затуманило разум и я полез к ней. Молодое тело даже касаясь к нему я получал наслаждение . Приятные волны наслаждения прокатывались по моему телу. Внезапно я почувствовал отклик ее тела. Сначала движение бедер . Потом ее руки на своей спине. Не подавая вида я продолжал свою преступную деятельность . Но когда ее губы коснулись моего плеча я поднял голову наши взгляды на мгновения встретились и мы слились в поцелуе а потом в оргазме .Ее тело вздрагивало подомной а ее руки продолжали ласкать мою спину. Ты ловкий парень Рома прошептала мне в ухо Бритни. В первую же ночь затащил меня в постель. Я поцеловал ее в губы. Словно принимая условия ее игры. А ты безумно красивая я не мог устоять перед твоими чарами. Бритни обняла меня за плечи, и мы вышли в гостиную. Где сенатор? спросила она, потягиваясь после сна. За эту ночь мы заметно сблизились. Совместные разговоры, долгие поцелуи и постоянное пребывание рядом сделали нас почти союзниками. Ушёл на пляж, ответил я. А кто он тебе на самом деле? Она опустила в кресло и поправила волосы. Мой работодатель. Я его пресс-секретарь. Понятно, произнёс я и сел напротив. И он не ревнивый? Бритни рассмеялась. Если узнает, что ты меня соблазнил, то отрежет тебе яйца. Она

сказала это с такой серьёзностью, что я не сразу понял, шутит она или нет. А если я его вылечу? спросил я. Улыбка исчезла с её лица. И как же ты собираешься его вылечить? У него рак крови. Врачи говорят, что он может прожить ещё год, может два, но исход уже давно понятен. Я задумчиво откинулся в кресле. И что ты будешь делать потом? Она пожала плечами. Найду другую работу. Конечно, сенатор очень хорошая партия в профессиональном смысле, но без дела я не останусь. Я наклонился к ней ближе. А если я серьёзно говорю? Я могу ему помочь. Она внимательно посмотрела мне в глаза, словно пытаюсь понять, шучу я или нет. Допустим, наконец сказала она. Но если мы расскажем всё напрямую, он просто не поверит. Она задумалась на несколько секунд. Нужно подать это иначе. Что-нибудь необычное. Старый шаман, монахи, древняя практика... Что-то такое, что заинтересует его и заставит хотя бы попробовать. Я усмехнулся. Хорошо. Если так будет проще, я согласен. Бритни улыбнулась, притянула меня к себе и поцеловала. Тогда договорились, тихо сказала она. Осталось убедить сенатора. В этот момент входная дверь номера открылась.

Глава 21

Мы мгновенно отстранились друг от друга. На пороге стоял сенатор. Он выглядел удивительно бодрым для человека, который ещё несколько часов назад спал так крепко, что его невозможно было добудиться. В руках он держал трость, а на лице играла лёгкая улыбка. Доброе утро, молодые лю-

ди, произнёс он. Надеюсь, я вам не помешал? Бритни первой взяла себя в руки. Конечно нет, сенатор. Как прогулка? Старик подошёл к окну и посмотрел на море. Великолепно. Знаете, я всегда любил океан. Он напоминает человеку о том, насколько тот мал. Он замолчал. Потом неожиданно повернулся ко мне. А вы почему не спите? Уже проснулся, ответил я. Хорошо. Значит, сегодня составите мне компанию. Он сел в кресло и тяжело выдохнул. Только сейчас я заметил, насколько он всё-таки устал. Бодрость была лишь маской. Под глазами лежали тёмные круги, а пальцы едва заметно дрожали. Бритни поймала мой взгляд и едва заметно кивнула. Сейчас. Или никогда. Сенатор, начал я осторожно. Во время работы гидом мне приходилось встречать очень необычных людей. Он усмехнулся. Надеюсь, не политиков. Нет. Людей, которые занимались древними практиками и лечением. Вот как? Теперь его внимание полностью переключилось на меня. Продолжайте. Недалеко отсюда есть место, куда редко попадают туристы. Там живёт старый монах. Многие считают его обычным отшельником, но к нему приезжают люди со всего мира. Сенатор прищурился. И что же он делает? Иногда помогает тем, кому уже не может помочь официальная медицина. В комнате воцарилась тишина. Старик несколько секунд внимательно смотрел на меня. Потом неожиданно рассмеялся. Молодой человек, вы понимаете, что за последние два года мне предлагали шаманов, целителей, магов, экстрасенсов и даже одного человека, ко-

торый обещал продлить жизнь с помощью энергии пирамид? Понимаю. И всё же вы предлагаете ещё одного? Я предлагаю просто съездить и посмотреть. Сенатор задумался. Бритни молчала. Наконец старик поднялся с кресла. Что ж... В конце концов, умирающий человек может позволить себе немного любопытства. Он посмотрел на часы. Но сначала завтрак. А потом вы покажете мне своего загадочного монаха. За окном окончательно взошло солнце. Новый день начинался совсем не так, как я ожидал ещё вчера вечером. Завтракали мы на открытой террасе отеля. Море лениво перекачивало волны, официанты бесшумно скользили между столиками, а сенатор, казалось, наслаждался каждым мгновением. Он ел немного фрукты, тост и чашку крепкого кофе. Бритни почти не притрагивалась к еде, время от времени поглядывая то на меня, то на своего начальника. Итак, произнёс сенатор, вытирая салфеткой губы. Куда именно вы хотите меня отвезти? Я заранее не продумал ответ до конца. В горы, сказал я. В старый монастырь. Туристов туда почти не возят. Звучит многообещающе, усмехнулся он. Через час мы уже ехали по извилистой дороге вдоль побережья. Город постепенно остался позади. Исчезли высотные отели, рекламные щиты и шумные рынки. Их сменили рыбацкие деревни, рисовые поля и зелёные холмы, уходящие к горизонту. Сенатор большую часть дороги молчал. Иногда он смотрел в окно, иногда закрывал глаза, словно собираясь с мыслями. Наконец он заговорил: Знаете, что самое неприятное в болез-

ни? Никто не ответил. Не боль. Не лекарства. Даже не страх смерти. Он посмотрел на океан за окном. Самое неприятное когда люди начинают смотреть на тебя как на уже ушедшего человека. Словно ты ещё сидишь рядом, но тебя уже нет. Бритни опустила взгляд. Впервые за всё время я увидел в её глазах не уверенность, а грусть. Простите, сенатор, тихо сказала она. Он улыбнулся. За что? За то, что иногда и я так думаю. Старик рассмеялся. Вот за честность я тебя и держу рядом. Машина свернула на узкую дорогу, ведущую вверх по склону. Впереди показались старые каменные ворота. За ними начиналась территория монастыря. Здесь было удивительно тихо. Даже ветер словно говорил шёпотом. Мы вышли из машины. Сенатор медленно поднял голову и посмотрел на древние строения, скрытые среди деревьев. Красиво, произнёс он. Потом повернулся ко мне. Надеюсь, ваш монах существует не только в рассказах. Я улыбнулся. Если бы он только знал, что ещё вчера вечером у меня не было ни монаха, ни плана, ни даже уверенности в том, что я делаю. Но теперь отступить было поздно. История уже начала жить собственной жизнью. Я провёл сенатора к монаху и попросил провести обряд очищения. Настоятель хорошо меня знал за годы я не раз бывал в этом монастыре и помогал с туристами, поэтому он без лишних вопросов согласился. Пока монахи готовили церемонию, мы с Бритни прошли в административный корпус. Там она достала ноутбук и несколько листов бумаги. Всё готово, сказала она. Осталось только

сыграть свою роль. Я кивнул. В монастыре я ориентировался как дома. Получив у настоятеля ключ от небольшой кельи, я переоделся в простое монашеское одеяние. Затем вернулся к Бритни и показал ей неприметную дверь сбоку от главного зала. Ведите его сюда после обряда. Внутри помещения царил полумрак. Свет проникал лишь через маленькое окно под потолком. После яркого солнца снаружи глаза человека не могли сразу привыкнуть к такой темноте. Я занял своё место и стал ждать. Через некоторое время дверь открылась. Сенатор вошёл вместе с Бритни. Он остановился, пытаясь разглядеть фигуру в глубине комнаты, но видел лишь силуэт. Я жестом попросил его повернуться спиной и осторожно начал разминать шею и плечи. Когда-то давно я интересовался восточными практиками и даже изучал основы иглотерапии, поэтому знал несколько способов снять напряжение. Затем я подал ему небольшую чашу с водой, которую монахи использовали во время церемоний. Сенатор с удивлением посмотрел на неё, но всё же сделал несколько глотков. После этого я молча указал на выход. Через несколько минут они уже стояли во дворе монастыря. Какой-то странный шаман, задумчиво произнёс сенатор. Бритни пожала плечами. Договор ещё более странный. Какой договор? насторожился он. Она протянула ему несколько листов. Читай. Сенатор сел на деревянную лавочку под деревом. Бритни начала зачитывать вслух: В случае положительного результата лечения клиент Чарльз Рузвельт обязуется выплатить двадцать мил-

лионов долларов. По истечении десяти дополнительных лет жизни ещё двадцать миллионов. На несколько секунд воцарилась тишина. Сенатор взял бумаги, внимательно посмотрел на них, затем поднял лицо к небу. Спасибо тебе, Господи, тихо произнёс он. Я наблюдал за ним со стороны. Возможно, дело было не в самом договоре. Возможно, впервые за долгое время ему предложили не прогноз смерти, а надежду. А надежда для человека иногда оказывается сильнее любых лекарств. Обратная дорога прошла почти в полном молчании. Сенатор сидел у окна автомобиля и смотрел на проплывающие мимо горы и деревни. Иногда он закрывал глаза, словно прислушиваясь к собственному организму. Бритни тоже молчала. А я смотрел на дорогу впереди и понимал, что теперь игра стала гораздо серьёзнее. Сенатор поверил. И вместе с его верой на мои плечи легла ответственность за то, что будет дальше.

Глава 22

Когда мы вернулись в номер, я приготовил напитки и убрал бутылку обратно в шкаф. Бритни, только не пей из этого стакана, тихо предупредил я. Она вопросительно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Через несколько минут из ванной вышел сенатор. После душа он выглядел заметно лучше. Щёки слегка порозовели, а в глазах появился живой блеск, которого я раньше почти не замечал. Увидев на столе бутылку и бокалы, он широко улыбнулся. Ну что, дети мои, произнёс он весело, подходя к столу, давайте выпьем за на-

шу сделку. Он поднял стакан и посмотрел сначала на Бритни, потом на меня. За надежду, добавил он уже серьёзное. За то, что жизнь иногда преподносит сюрпризы даже тогда, когда кажется, что все карты уже открыты. Мы чокнулись. Сенатор сделал небольшой глоток и задумчиво посмотрел в окно на вечернее море. Странное чувство, сказал он спустя некоторое время. Какое? спросила Бритни. Впервые за очень долгое время я строю планы дальше следующего года. В комнате стало тихо. Старик медленно покрутил стакан в руках и неожиданно улыбнулся. А знаете что? Завтра отменяем все дела. Все? удивилась Бритни. Все. Я приехал сюда умирать со своими мыслями, а теперь, похоже, придётся снова учиться жить. Он рассмеялся и поднял бокал ещё раз. За жизнь, господа. За жизнь. Сенатор вдруг покачнулся. Я успел подхватить его под руку и осторожно усадил в кресло. Что со мной? встревоженно спросил он. Я забрал из его рук стакан и поставил его на стол. Но ответа он уже не услышал. Глаза старика закрылись, голова опустилась на грудь, и через несколько секунд он крепко спал. Я наклонился, убедился, что с ним всё в порядке, затем поднял его и отнёс в спальню. Сенатор оказался удивительно лёгким для человека такого роста. Осторожно уложив его на кровать и укрыв пледом, я вернулся в гостиную. Там меня ждала похожая картина. Бритни уснула прямо на диване. Видимо, от волнения они тоже отпила со стакана хотя я ее предупреждал не пить. Она сидела, прислонившись к спинке, и мирно спала. Я убрал со

стола бокалы, навёл порядок и выключил лишний свет. После этого подошёл к Бритни, осторожно взял её на руки и отнёс в соседнюю спальню. Она даже не проснулась. Вскоре в номере воцарилась полная тишина. За панорамными окнами шумело ночное море, вдалеке мерцали огни прибрежных ресторанов, а я остался один в гостиной, сидя в полумраке и размышляя о том, как стремительно меняется человеческая судьба. Ещё несколько дней назад я был обычным гидом, а теперь в соседних комнатах спали миллиардер и его помощница, а от моих дальнейших решений, возможно, зависело гораздо больше, чем я был готов признать. Эх Бритни воскликнул я в сердцах мечтая провести с ней незабываемый часок . А теперь придётся катать ее безвольное тело по кровати и я раздевшись лег к ней. Но мне это понравилось. Я менял позы и не спеша занимался сексом. И это был лучший секс в моей жизни потому что Бритни уже не была жертвой просто она уснула и моя совесть была чиста. Сделав свое грязное дело я не стал вытирать ее . Пусть знает что я с ней сделал подумал я и одевшись вышел в город. В аптеке я купил концентрат артишока и принеся в номер разогрел его и перелил в банку из под кофе добавив туда капельку рома . пусть будет лекарством подумал я. Закончив все дела я лег спать . Проснулся от странного шума. Как будто шел поезд Наверное соседи подумал я . Но когда услышал как сладко стонет Бритни задумался. Это что такое было . Заглянув к сенатору не нашел его на месте. Из спальни Бритни разда-

вались стоны и бой кровати о стену. А когда раздались шаги его босых ног я бросился к себе в спальню. Проследив как за ним закроется дверь в душ. Меня охватило чувство ревности. И я бросился к Бритни. Она лежала на животике уткнувшись в подушку. Оседлав ее я вошел в нее. Какой ты неугомонный сладко пропела она. Но увидев меня она округлила глаза. Ты что прошипела она. Если нас застукают то выгонять к черту. Но я уже кончил. И со злорадной улыбкой кабеля удалился в свою спальню. После душа сенатор вышел из ванной, напевая какую-то старую мелодию. Увидев меня, он широко улыбнулся. Спасибо, Рома. Твой шаман действительно творит чудеса. Я чувствую себя молодым и здоровым. Он подошёл к окну и расправил плечи. Сегодня же сдам анализы крови. Если результаты окажутся хорошими, переведу ему двадцать миллионов долларов. Я едва сохранил невозмутимое выражение лица. Двадцать миллионов. От одной только мысли о такой сумме у меня закружилась голова. Похоже, Бритни провернула всю эту историю гораздо серьёзнее, чем я предполагал. Мы спустились на завтрак. Сенатор пребывал в прекрасном настроении, много шутил и с аппетитом ел. Бритни время от времени переглядывалась со мной, но мы оба старались не затрагивать тему монастыря. После завтрака мы отправились на пляж. Море было спокойным. Сенатор даже искупался и впервые за всё время выглядел не как тяжело больной человек, а как обычный турист, наслаждающийся отдыхом. Позже мы поехали в

город. По настоянию сенатора анализы решили сделать сразу в двух разных клиниках. Не хочу никаких сомнений, заявил он. Если уж проверять, то проверять основательно. Кровь сдали быстро. Теперь оставалось только дожидаться результатов. К обеду мы отправились в отель Sheraton. Ресторан располагался на верхнем этаже. Сквозь огромные окна открывался вид на залив, рыбацкие лодки и бесконечную линию моря. Сенатор сидел молча, задумчиво вращая бокал с минеральной водой. Казалось, впервые за долгие годы он позволил себе поверить, что будущее у него всё-таки есть. А я всё чаще ловил себя на мысли, что начинаю бояться результатов анализов не меньше самого сенатора. После обеда решили вздремнуть и поехали к себе в отель. Когда я лег то услышал как в спальне у Бритни снова ее кровать колотиться о стену и ее стоны. Дождавшись когда спина сенатора скроется в дверях я бросился к Бритни и овладел ею. Вы что решили меня затрахать возмутилась она . Но я уже уходил с довольной улыбкой кобеля. Сенатор вышел из душа и я протянул ему банку из под кофе . Это ваше лекарство пояснил я . пить с утра по ложечке. Он посмотрел на старую банку и с уважением произнес оболочка ни что главное содержимое. Подняв Бритни мы ходили к морю и искупались . Тело сенатора расправилось и он осматривал всех свысока. Вечером мы поужинали в простом ресторане со всеми туристами . А выйдя он хохотал . Дано я не кушал с народом. Когда пришли в номер он уже не стесняясь меня загнал Бритни в спальню

и сделал свое дело. Когда он вышел я заскочил в спальню. Но Бритни выставила в защите ноги и закрылась простынь. Но я ее закрутил в простыню и под ее злое шипение овладел ею. Похлопав по ее упругим ягодицам ладошками я сделал фото и ушел к себе. Идиот прошипела она выпутываясь из простыни больше вообще можешь ко мне не подходить я все расскажу ему.

Глава 22

Вечером сенатор получил результаты анализов и сразу отправил их своему лечащему врачу в Америку. Мы сидели за столом в полном молчании. Каждый был погружён в собственные мысли. Телефонный звонок разорвал тишину так внезапно, что мы все вздрогнули. Сенатор поднял трубку. Я заметил, как дрожит его рука. Даже голова слегка подрагивала от напряжения. Несколько секунд он молча слушал. Потом на его лице появилось выражение, которого я раньше никогда не видел. Сначала удивление. Потом недоверие. А затем надежда. Из трубки доносился уверенный голос врача: Чарльз, это путешествие явно пошло вам на пользу. Ваши показатели значительно лучше предыдущих. Я не могу объяснить все изменения прямо сейчас, но результаты выглядят очень обнадеживающее. Дальше посыпались медицинские термины, цифры и профессиональные комментарии. Сенатор почти ничего не отвечал. Он просто слушал. Когда разговор закончился, он медленно положил телефон на стол и откинулся на спинку кресла. Несколько секунд никто не про-

износил ни слова. Ну что? первой не выдержала Бритни. Сенатор посмотрел на неё. В его глазах стояли слёзы. Впервые за много лет мой врач говорил со мной как с человеком, у которого есть будущее. Бритни закрыла лицо руками. А я смотрел на них обоих и понимал, насколько сильно болезнь изменила их жизнь. Сенатор поднялся из-за стола. Завтра мы ничего не отменяем, сказал он. Наоборот. Завтра мы будем жить. Он подошёл к панорамному окну. Внизу шумело ночное море, а огни города отражались в воде. Знаете, тихо произнёс он, я почти забыл, как это бывает строить планы дальнейшего следующего месяца. И в этот момент он выглядел не сенатором, не миллиардером и не тяжело больным человеком. Он выглядел просто счастливым человеком, которому судьба неожиданно подарила ещё один шанс. Быстрым шагом он схватил Бритни за руку и поволок в спальню. Я притаился за дверью и дождавшись когда он скроется забежал и набросился на нее. Он бесшумно отбивалась руками Но я перевернул ее на живот и овладел ею . Взбивая пенку из его спермы внутри нее я получал незабываемое удовольствие . Бритни уже не сопротивлялась это был уже восьмой половой акт за день с ее участием. Сделав свое дело я сделал фото . Ты что делаешь зашипела она пытаюсь вырвать у меня телефон .Но я увернулся и убежал к себе в спальню. Я уволю тебя прошипела она мне в замочную скважину. Но сенатор уже вышел их душа и позвал нас . Я прибежал в халате . Рома! вскрикнул сенатор и неожиданно крепко обнял меня. У меня есть

шанс! Настоящий шанс! В его глазах блестели слёзы. Он отступил на шаг, затем повернулся к Бритни, обнял её за плечи и поцеловал в лоб. И у тебя есть шанс, девочка моя. Она улыбнулась и на мгновение прижалась к его плечу. В комнате царил эйфория. Сенатор словно помолодел на десять лет. Так, произнёс он, возвращаясь к столу. Куда переводить деньги? Я назвал номер счёта. Бритни резко повернула голову в мою сторону. Её лицо изменилось мгновенно. Удивление. Недоверие. А затем злость. Подождите, Чарльз, быстро произнесла она. В договоре указан другой счёт. Сенатор перевёл взгляд на меня. Я лишь пожал плечами. Мне этот счёт дал шаман. Сказано это было настолько уверенно, что даже я сам почти поверил в собственные слова. Несколько секунд сенатор молчал. Потом усмехнулся. Знаешь что, Роман? Я верю тебе. Он записал продиктованные цифры и тут же отправил их своему финансовому менеджеру. Бритни побледнела. Я видел, как она сжимает кулаки под столом. Весь её тщательно подготовленный план рушился прямо на глазах. Выпьем! радостно объявил сенатор. За здоровье! За новую жизнь! Мы подняли бокалы. Он осушил свой одним глотком. После этого хлопнул в ладоши и поднялся. Всё! Хватит сидеть в номере. Одевайтесь. Мы едем в лучший ресторан города. Он исчез за дверью спальни, продолжая что-то напевать себе под нос. Едва дверь закрылась, Бритни вскочила со своего места. Это мои деньги! прошипела она, приблизившись ко мне. Наши, спокойно ответил я. Ты даже не пред-

ставляешь, сколько работы я проделала. А ты не представляешь, сколько раз рисковал я. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Вчера мы были союзниками. Сегодня стали соперниками. Из спальни донёсся голос сенатора: Быстрее! Мы опаздываем! Бритни первой отвела взгляд. Это ещё не конец, тихо произнесла она. Затем развернулась и направилась в свою комнату. Через несколько минут мы уже выходили из номера. Со стороны всё выглядело идеально. Счастливый сенатор шагал впереди, строя планы на будущее. А мы с Бритни шли следом, обмениваясь вежливыми улыбками, за которыми скрывалась настоящая война. Внизу нас уже ждал автомобиль. Сенатор буквально светился от счастья. Пока водитель открывал дверь, он успел рассказать о трёх новых проектах, которые собирался запустить, о поездке в Вашингтон и даже о благотворительном фонде, который когда-то заморозил из-за болезни. Казалось, вместе с надеждой к нему вернулась энергия. Всю дорогу до ресторана он говорил без остановки. Я смотрел на него и думал о том, как мало человеку иногда нужно для счастья. Не деньги, не власть и не влияние. Достаточно поверить, что впереди ещё есть время. Ресторан оказался роскошным. Из панорамных окон открывался вид на ночной залив. Подсвеченные лодки покачивались на воде, а над морем поднималась огромная жёлтая луна. Сенатор заказал лучшие блюда и бутылку дорогого вина. Сегодня никаких ограничений, заявил он. Сегодня я праздную своё возвращение к жизни. Официанты едва успевали

менять блюда. Музыка играла негромко, гости разговаривали вполголоса, а настроение за нашим столом становилось всё более приподнятым. В какой-то момент сенатор поднял бокал. Я хочу сказать тост. Весь стол замолчал. За Романа. Я удивлённо посмотрел на него. Если бы не ты, меня бы здесь не было. Возможно, физически я был бы жив, но мысленно уже давно похоронил себя. Спасибо. Он поднял бокал. Мы чокнулись. Даже Бритни пришлось улыбнуться. Но я заметил, что улыбка далась ей нелегко. После ужина сенатор ненадолго отошёл поговорить по телефону. Едва он скрылся на террасе, Бритни наклонилась ко мне через стол. Ты понимаешь, что он рано или поздно всё узнает? Что именно? Что никакого шамана не существует. Я спокойно отпил воды. А кто сказал, что не существует? Она раздражённо покачала головой. Не играй со мной. А ты не играй со мной. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Потом она неожиданно усмехнулась. Знаешь, Рома, я ошиблась в тебе. Это хорошо или плохо? Пока не решила. В этот момент вернулся сенатор. Лицо его было довольным. Он сел за стол и поднял телефон. Только что говорил с менеджером. Перевод ушёл. У меня внутри всё сжалось. Уже? Конечно. Я привык выполнять обещания. Он рассмеялся и сделал глоток вина. Более того, завтра я хочу снова увидеть твоего шамана. Улыбка медленно исчезла с моего лица. Бритни едва не поперхнулась. Несколько секунд за столом стояла тишина. А потом сенатор совершенно серьёзно повторил: Завтра

мы снова едем в монастырь. Я почувствовал, как воздух за столом стал тяжелее. Сенатор смотрел на меня спокойно, но в этом спокойствии уже появилось что-то новое ожидание. Не восторженное, как раньше, а внимательное, почти проверяющее. Завтра... снова монастырь? переспросил я, стараясь выиграть несколько секунд. Да, кивнул он. Я хочу закрепить результат. Понять, что со мной происходит. И... возможно, поблагодарить этого человека лично. Бритни напряглась. Сенатор, это не совсем стандартная процедура... А разве моя ситуация стандартная? перебил он мягко. Он улыбнулся, но в этой улыбке уже чувствовалась сила человека, который снова вернул себе контроль над жизнью. Я медленно поставил бокал на стол. В голове начала быстро собираться новая конструкция слишком быстро, слишком рискованно. Повторный визит означал одно: он захочет увидеть «шамана» ближе. Слишком близко. Это возможно, сказал я наконец. Но монахи не любят частых визитов. Они считают, что энергия вмешательства должна быть редкой. Сенатор задумался. Тогда договорись. Я готов заплатить за уважение к их правилам. Бритни бросила на меня короткий взгляд. В нём читалось: *выкручивайся*. Я кивнул. Я попробую. Сенатор откинулся на спинку кресла, явно довольный ответом. Отлично. Тогда завтра утром. Он поднял бокал ещё раз, но теперь это был уже не тост, а жест завершения разговора. А сегодня отдыхайте. Вы мне оба нужны в форме. Когда ужин закончился и мы вернулись в отель, напряжение в машине было

почти физическим. Сенатор впервые уснул по дороге. Бритни смотрела в окно. Я на его отражение в стекле. Он пошел в ванну. И как только дверь закрылась, Бритни повернулась ко мне. Ты понимаешь, что завтра всё начнёт разваливаться? Я медленно снял пиджак. Или наоборот. Или наоборот что? Я посмотрел на неё. Или мы наконец узнаем, кто из нас действительно управляет этой историей. Она ушла к себе в спальню а я быстро налил в стаканы ром и поставил на стол. Сенатор вышел из ванны и увидев стаканы крикнул Бритни девочка моя иди сюда и когда она подошла он поднял стакан и произнес за успех . Бритни ни чего не подозревая выпила . И когда она увидела мой взгляд через стекло стакана она поняла но было уже поздно . Тело ее обмякло и она сломанной куклой упали на пол. Сегодня я не хотел делить ее ни с кем. Сначала я отнес сенатора на кровать . Потом Бритни. Раздев ее я стал снимать видео нашего секса . Для меня это было гарантией моей безопасности. Натешившись ее телом я уснул рядом с ней. А когда она начала пробуждаться приходя в себя снова овладел ею. И уже в конце она била меня кулачками по спине . Но когда услышала голос сенатора затихла . Деточка пусти меня я соскучился раздался его голос Но я уже кончал в нее .Соскочив с нее я победно улыбнулся и скрылся за межкомнатной дверью в своей спальне. Я прислонился к двери и услышал ее стоны и удары кровати о стену. Бритни десятый раз за сутки трахали по очереди два мужика. Но такая доля женщин стремящихся к успеху че-

рез постель. Сенатор закончил с Бритни и неожиданно командовал: Готовьтесь. Выезжаем. Я молча кивнул и заранее приготовил ему записку от «шамана» с новыми указаниями и уточнениями, которые должны были придать всей истории ещё больше веса.

Глава 23

Мы выехали рано. Дорога оказалась свободной, и примерно через два часа автомобиль уже подъезжал к монастырю. Воздух там был таким же спокойным, как и в прошлый раз густая тишина, прерываемая только ветром в деревьях. Я провёл сенатора внутрь и снова организовал «обряд очищения». Когда он вошёл в келью, его встретил силуэт в оранжевой хламиде. Лицо было скрыто за капюшоном и спутанными волосами, так что черты невозможно было разобрать. Сенатор остановился, всматриваясь, но ничего не сказал. Я, оставаясь в роли шамана, мягко развернул его к себе спиной и начал ритуал спокойные прикосновения в области шеи и плеч, больше похожие на древнюю практику расслабления и восстановления энергии, чем на что-то медицинское. Движения были выверенными, почти медитативными, чтобы всё выглядело убедительно. Затем я дал ему выпить из небольшой чаши «очищенную воду», а следом протянул напиток, приготовленный заранее смесь, которая должна была усилить эффект ритуала и закрепить его самочувствие. После этого я незаметно вложил ему в руки записку. Когда всё было завершено, я сделал шаг назад. Сенатор несколько секунд

стоял неподвижно, словно прислушиваясь к собственному состоянию. Потом медленно выдохнул. Странно... произнёс он. Но мне легче. Он вышел из кельи. Солнце ударило ему в лицо, и он на мгновение прищурился. Бритни ждала снаружи. Сенатор посмотрел на записку, затем на неё, и на его лице появилась уверенная, почти торжествующая улыбка. Вот он, настоящий счёт, сказал он и поднял листок. После этого он достал телефон и, не колеблясь, произнёс: Переводите средства на указанный счёт. Немедленно. Бритни застыла. Её лицо на секунду стало непроницаемым. Но затем она лишь сдержанно улыбнулась слишком спокойно для человека, который только что проиграл крупную игру. Сенатор же выглядел абсолютно довольным собой. Он повернулся к нам: Всё. Теперь я окончательно знаю, кому можно доверять. И в этой фразе впервые прозвучало не просто облегчение, а окончательное решение. Бритни медленно выдохнула и поправила волосы. И только я понял, что именно сейчас история перестала быть игрой и окончательно стала реальностью с последствиями, которые уже невозможно было отменить. Когда мы вернулись в отель, сенатор почти не говорил по дороге. Он сидел у окна, сжимая в руках телефон, и время от времени перечитывал сообщение с банковским подтверждением перевода. На его лице было спокойствие человека, который наконец-то поставил точку в многолетнем страхе. Но в этой точке уже начинало появляться что-то странное. Я заметил это первым слишком короткие паузы между

его фразами, слишком внимательные взгляды. Он не выглядел больным. Но и полностью здоровым тоже скорее человеком, который впервые за долгое время начал прислушиваться к себе по-настоящему. В номере он не стал отдыхать. Мне нужно позвонить врачу, сказал он. Бритни напряглась. Я почувствовал, как воздух снова становится плотным. Сенатор набрал номер. Мы молча ждали. Доктор, произнёс он после паузы. Я был в монастыре ещё раз. И... мне стало странно лучше. Я хочу понять, что происходит на самом деле. На том конце ответили не сразу. Я видел, как его пальцы слегка сжались на телефоне. Да, я понимаю, продолжил он спустя минуту. Но я не про веру. Я про факты. Я хочу повторные анализы. И полное обследование. Он положил трубку. В комнате повисла тишина. Бритни медленно посмотрела на меня. Теперь её взгляд был другим не злым и не растерянным. Скорее настороженным. Он начал сомневаться, тихо сказала она. Я не ответил сразу. Сенатор тем временем подошёл к окну. Знаете, произнёс он задумчиво, самое опасное в надежде... это когда она начинает требовать доказательств. Он обернулся. И впервые за всё время посмотрел прямо на нас обоих сразу, как будто видел не только сегодняшнюю картину, но и всё, что стояло за ней. Завтра мы едем в клинику, сказал он спокойно. И после этого я хочу, чтобы вы оба рассказали мне всё. Пауза. Длинная. Тяжёлая. Бритни едва заметно выдохнула. Я понял, что следующий день уже не про деньги. И даже не про лечение. Он будет про правду. Вече-

ром мы просто легли спать без разговоров, без лишних слов. Слишком много событий за последние дни наконец-то потребовали тишины. Утром мы вылетели в Хошимин. В клинике провели почти полдня. Сенатор прошёл полное обследование, сдал повторные анализы, встретился с врачами. Он выглядел спокойным, но внутри него чувствовалось напряжённое ожидание, как у человека, который слишком долго шёл к ответу. Когда результаты начали приходить один за другим, врач долго изучал бумаги, потом снял очки и внимательно посмотрел на сенатора. Ваше состояние заметно улучшилось, сказал он наконец. Болезнь отступает. Показатели крови и общий статус организма стали значительно лучше, чем в предыдущих анализах. Сенатор молча выслушал всё до конца. Потом медленно кивнул. В его взгляде появилось то самое редкое выражение смесь облегчения и недоверия, как будто он не до конца верил даже хорошим новостям. После клиники мы поехали в ресторан. За столом он долго молчал, а затем неожиданно поднял глаза: Скажите мне честно, произнёс он, глядя сначала на Бритни, потом на меня, что между вами происходит? Бритни не растерялась ни на секунду. Рабочая ситуация, спокойно ответила она. Договор был изначально составлен через монастырь. Возникли некоторые сложности с шаманом, и Рома как его представитель оказался между двух сторон. Монастырь хотел подвести сделку под себя и не хотел, отдавать всю сумму шаману. Суммы большие, поэтому возникла путаница. Она улыб-

нулась мягко, почти официально. Но к вашему лечению это не имеет никакого отношения. Сенатор внимательно выслушал и медленно кивнул. Понятно, сказал он. Этого достаточно. Он повернулся ко мне и крепко пожал руку. Мой друг, я не знаю, чем закончится ваша история с шаманом, но ты своё получишь . Миллион долларов . Я пожал его руку в ответ. Спасибо, сенатор. Бритни едва заметно блеснула глазами, но ничего не сказала. Сенатор узнал у меня банковский счёт. Через некоторое время деньги пришли. Мы попрощались прямо у входа в ресторан. Сенатор уехал первым. Я долго смотрел ему вслед, пока машина не растворилась в потоке города. Я понимал, что всё закончилось. Но так же понимал, что такие истории никогда не заканчиваются по-настоящему они просто перестают быть общими. Бритни знает всю историю и наверное скоро привезет мне нового клиента. И впервые за всё время почувствовал не азарт и не тревогу а пустоту, которая приходит после большой игры. Но где-то внутри уже появлялось понимание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.